

ПОБЕЖИ

ISSN 0131-5994

6'91

ИЮНЬ

В НОМЕРЕ:

- 4 СМОТРИТЕ
- 6 Вильям Далримпл. ДРУГ, С КОТОРЫМ НЕЛЬЗЯ ПОЯВИТЬСЯ НА УЛИЦЕ
- 8 Вацлав Гавел. СТРАХ ПЕРЕД ЛОЖЬЮ И ПРАВДОЙ
- 10 В. Симонов. СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК
- 13 Е. Лившиц, С. Кавтарадзе. О ИМЕНА, О НРАВЫ!
- 14 Ян Уилсон. СВЕРХ-«Я»
- 17 РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
- 19 Жан Дютур. ПОД ЗНАКОМ КОЗЕРОГА
- 22 ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
- 24 Питер Джерстензанг. МНЕ И ОДНОМУ НЕПЛОХО!
- 25 Андреас Мёллер. НИЧЕГО НЕ СТОИТ БРОСИТЬ КУРИТЬ
- 27 Дороте Гардиен. УБИЙЦА ЗВОНИТ В ЛИЦЕЙ. РАССКАЗ
- 29 М. Пирус. БЕЗУМНЫЙ МЕЛ
- 31 ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: в венгерской столице — а этот снимок фотокорреспондент Виктор ВАСЕНИН сделал на одной из площадей Будапешта — жарко. Дети спасаются в основном мороженым, благо его предостаточно в любую жару.

РОВЕСНИК 6'91 ИЮНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллектив редакции
ЦК ВЛКСМ
ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 08.04.91. Подписано в печ. 29.04.91. Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 115 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2066. Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

N° 31/12 del	Inpsalata	Condannato	Membra di sicurezza	Totale
1979	774	250	81	1.105
1980	1.058	325	79	1.463
1981	1.049	225	64	1.338
1982	1.393	210	35	1.638
1983	—	—	83	1.923
1984	1.306	468	68	1.922
1985	1.264	670	83	2.017
1986	960	527	74	1.551
1987	941	506	77	1.524
1988	703	783	75	1.561
1989	582	825	66	1.473

ЭМАНУЭЛЛА, ГЛАВАРЬ БАНДЫ

Эмануэлла Аццарелли, оказавшись за решеткой, пополнила быстро растущий список лиц слабого пола, арестованных по обвинению в преступной деятельности в рядах мафии. За последние 10 лет число арестованных мафиози в юбках увеличилось на треть (см. график слева вверху). Но Эмануэлла — особый случай: во-первых, ей еще не исполнилось 17, во-вторых, она — главарь вооруженной банды девочек, действовавшей в итальянском городке Джела. Банда занималась продажей наркотиков, вооруженными налетами, поджогами и взрывами. Никому из членов банды еще нет и 18 лет.

Ее близкую подругу Пеппе Арредиа, тоже 17 лет, несколько дней назад убили в тот момент, когда она увлеченно играла на компьютере и не заметила, как к кафе приблизилась конкурирую-

щая банда. Эмануэлла и Пеппе принадлежали к клану Пиппо Мадониа, у которого под ружьем 300 боевиков-подростков; в противоборствующем клане Сальваторе Иоколоне — 500. В той перестрелке погибло 8 девочек и 7 было ранено.

Черные кожаные сапожки, черные джинсы, черная кожаная безрукавка. На вопрос корреспондента журнала «Эуропео», одетая ли она во все черное в знак траура по подруге, Эмануэлла ответила: «И по всем другим подругам, и по жениху сестры тоже». Она могла бы добавить, что три года назад убили и ее отца. Мать осталась с семьей детьми.

В Джела — 8 тысяч подростков, половина работает или учится, у другой половины нет шансов ни найти работу, ни продолжить образование. С корреспондентом «Эуропео» говорит группа девочек: «Вечером в некоторых районах мы боимся выйти на улицу — еще попадешь в пере-

РЕКЛАМА ДЛЯ ВСЕХ!

Производственный кооператив «Квант» предлагает:

- запись популярной музыки — цена 9 рублей за 60 минут;
- запись видеофильмов — цена 12 рублей за 60 минут;
- поставка игровых компьютерных комплексов.

Возможна оплата по наличному и безналичному расчету. Каталог на звукозапись (стоимость 3 рубля) высылается наложенным платежом, каталог на видеозапись высылается бесплатно. Заявки на каталоги принимаются 24 часа в сутки по телефону: г. Москва, телефон 522-07-79, адрес для писем: 143980, Московская область, г. Железнодорожный-9, а/я № 35.

ДОРОГИЕ СТАРШЕКЛАССНИКИ!

Если вы хотите все успевать, развить свою память, внимание, воображение, предлагаем вам окончить заочное отделение Всесоюзного Центра быстрого чтения.

Быстрое чтение — это ваш путь к успеху в учебе и жизни.

Вы получите единственный в нашей стране учебник «Техника быстрого чтения», методические пособия, записи сеансов аутотренинга.

Просим переводить плату за обучение только после получения от нас специального бланка. Запросы направляйте по адресу: 125047, Москва, 1-я Брестская улица, дом 50. Не забудьте вложить в письмо конверт с вашим обратным адресом.

Справки по телефонам: в Москве — 251-99-47;

в Киеве — 440-60-86;

в Ленинграде — 210-49-52;

в Ростове-на-Дону — 32-35-05;

в Свердловске — 51-62-98.

Всесоюзный Центр быстрого чтения ждет вас.

Мир Мимоходом

После шести месяцев этого рабства подруга школьницы решила просить за нее, но Иосида был так разгневан просьбой, что толкнул девочку с лестницы и потом так сильно избил, что она две недели пролежала в больнице.

Но у подобной школьной системы есть свои достоинства: она воспитывает послушную рабочую силу, учит долготерпению и умению жертвовать личными желаниями в самом раннем возрасте.

САТАНА НЕ ДРЕМЛЕТ

Американские школы поразила эпидемия поклонения Сатане. Дело приняло настолько серьезный оборот, что Национальная ассоциация начальников полиции издала пособие по борьбе с сатанинскими культами и ритуальными преступлениями среди школьников. В нем приверженцы культа Сатаны распределены по категориям, самая распространенная из которых — так называемые «доморожденные поклонники Сатаны». Обычно это замкнутые ученики средних школ, чьи понятия, как поклоняться Сатане, питаются из различных источников, включая книги, видеофильмы, хеви-метал и общепринятые представления о сатанинской вере. Чтобы проиллюстрировать серьезность подхода полиции к сатанинским забавам школьников, стоит привести несколько цитат из методического пособия:

«В тех районах, где обнаружено проявление сатанинских культов, начинайте со школ. Возьмите с собой образцы сатанинской

символики и расспросите администрацию школы и учителей, видели ли они эти символы на одежде учеников, среди граффити и в рисунках на уроках. Запишите имена тех, кто пользовался сатанинской символикой. Возьмите их сочинения на вольную тему и проверьте, о чем они пишут.

Проверяйте и старшие, и младшие классы. Помните: чем меньше возраст школьника, привлеченного в сатанинскую группу, тем выше вероятность, что он станет жертвой культа.

Если из школьной библиотеки исчезли книги, шифр которых начинается с цифры 133 (культовое число), узнайте, кто ими пользовался в последний раз. Запишите имена, они могут вам пригодиться.

Раздобудьте альбомы фотографий классов, так вы будете обладать снимками всех, кто находится в вашем списке. Если они нарушат закон — а они его нарушат, — наказывайте без жалости.

Если их простить, они уверяются, что Сатана взял их под свою опеку. В следующий раз они совершат серьезное преступление, возможно со смертельным исходом.

Если вы судья — выносите максимальный приговор. Подросток должен почувствовать, что правовая система сильна, а Сатана слаб, тогда он перестанет ему поклоняться.

Действуйте быстро и строго. Записка с угрозами, найденная в почтовом ящике, через несколько месяцев может привести к убийству».

стрелку. Последний автобус уходит в 9 часов. В городе нет дискотек, только одна, но там опасно. Куда пойти? Разве что в вооруженную банду, там ты хоть под защитой своих».

каждый день в течение года. Таким было наказание за то, что она красила волосы. Одноклассники прозвали ее служанкой учителя.

ТЯЖЕЛО В УЧЕБЕ

Каждый носит с собой маленькую книжку «козоку» — школьные правила. «Козоку» предписывают школьникам, какой должна быть форма прически и какой длины волосы; требуют, чтобы нижнее белье у девочек было белого цвета, а на спортивной обуви ровно 12 дырочек для шнурков. Замечания за провинности вписываются в специальные графы. Наказание может оказаться очень жестоким.

Телесные наказания были запрещены в Японии еще после второй мировой войны, но, как выяснилось, каждый третий из четырех учащихся до сих пор им подвергается; каждый десятый ученик, избитый своим преподавателем, нуждался в госпитализации.

Преподаватель физкультуры Юоо Иосида заставил ученицу прислуживать ему за ленчем

Смотрите:

Вернулся ли с войны отец этого мальчишки, улетающий в Саудовскую Аравию? Кого отняла смерть у юного ирландца, стоящего у гроба? Жив ли еще маленький палестинец, разговаривающий с израильским солдатом? Выживут ли в следующем бою в Афганистане эти мальчишки с автоматами?.. Мальчишки и война — настоящая, со всеми ее ужасами, кровью, безумием и смертью. Человек, прошедший испытание войной, никогда не станет прежним. Много написано статей и исследований об искалеченной психике ветеранов, но что делает война с ребенком? Наверное, осознать это невозможно. Искалеченное детство... а точнее — вся жизнь.

Доктор Тиаги стоял посреди разгромленного жилища с фонариком в руке. «Они из касты раджпутов, молодежь из соседних деревень. Приехали на трех грузовиках — двести человек. Они размахивали железными прутьями и деревянными палками. А нас было всего двадцать человек. Что можно было сделать против них?»

Мы спотыкаемся в темноте о раскуроченные оконные рамы и сломанные дверные косяки, под ногами шуршат черные кучки сгоревших пластинок, все еще испускающих едкий запах.

«Они кричали: «Кто из низкой касты?» — и если видели кого-нибудь с темным цветом кожи, то избивали металлическими прутьями. Они подожгли все, что здесь было, одежду и матрасы. Побросали в огонь видеомагнитофоны и слайд-проекторы. Вытоптали цветы, повалили деревья, разломали стулья, шкафы, пишущие машинки — все, что мы создали за семь лет».

Доктор Тиаги говорит спокойно, без эмоций, не повышая голоса. Он невысокого роста, неприметной внешности, у него худые плечи, жидкая борода, очки в толстой черной оправе неуютно сидят на тонком носу.

«Вот, взгляните, — говорит он. — Здесь была аптека. — Фонарик осветил небольшую квадратную комнату, куда мы вошли. Под ногами захрустело стекло разбитых пузырьков и склянок, валявшихся среди рассыпанных порошков и таблеток. — Они пришли сюда с молотками».

Снаружи, за выломанной дверью, ветер трепал страницы порванных, обгоревших книг, шевелил разодранными, почерневшими простынями. «Они уничтожили все медицинские инструменты, все лекарства, которые нам удалось раздобыть с таким трудом. Теперь неприкасаемым некуда идти».

«Но почему с вами так поступили, — спрашиваю я. — Чем мешало раджпутам то, что вы помогали неприкасаемым?»

«Низшие касты всегда были рабами высших каст, — ответил он. — Они работали на их полях за мизерную плату, подметали их улицы, чистили их одежду. Мы же даем рабам образование. Образование несет свободу. Если рабы откажутся им служить, кто будет делать всю грязную работу?»

«Как вели себя вы во время разгрома вашего культурного центра?» — допытываюсь я.

«Просто сидел и смотрел, — говорит он. — Что я мог сделать? Я думал о Ганди. Его тоже много раз избивали. Он сказал, что подобное обращение нужно принимать с радостью, так как только через конфронтацию можно чего-то добиться. Разгром нашего и подобных ему центров привлекает внимание к несправедливости, творящейся по отношению к неприкасаемым. — Он помолчал и улыбнулся: — И вы бы сюда не пришли, не случись этого побоища. — «Что вы будете делать

До 1947 года, пока Индия была английской колонией, в стране насчитывалось три с половиной тысячи каст. Кастовая система тогдашнего индийского общества напоминала армейскую иерархию: строгое подчинение низестоящих каст высшим; кастовая принадлежность определяла права и обязанности каждого индийца, его профессию, одежду, поведение. Самая низшая каста неприкасаемых занимала рабское положение по отношению ко всем остальным. Убийство неприкасаемого не считалось преступлением. Конституция независимой Республики Индии отменила все виды кастовой дискриминации и кастового гнета. С тех пор прошло сорок лет, но жизнь неприкасаемых, увы, мало изменилась.

ДРУГ, С КОТОРЫМ НЕЛЬЗЯ ПОЯВИТЬСЯ НА УЛИЦЕ

Вильям ДАЛРИМПЛ,
английский журналист

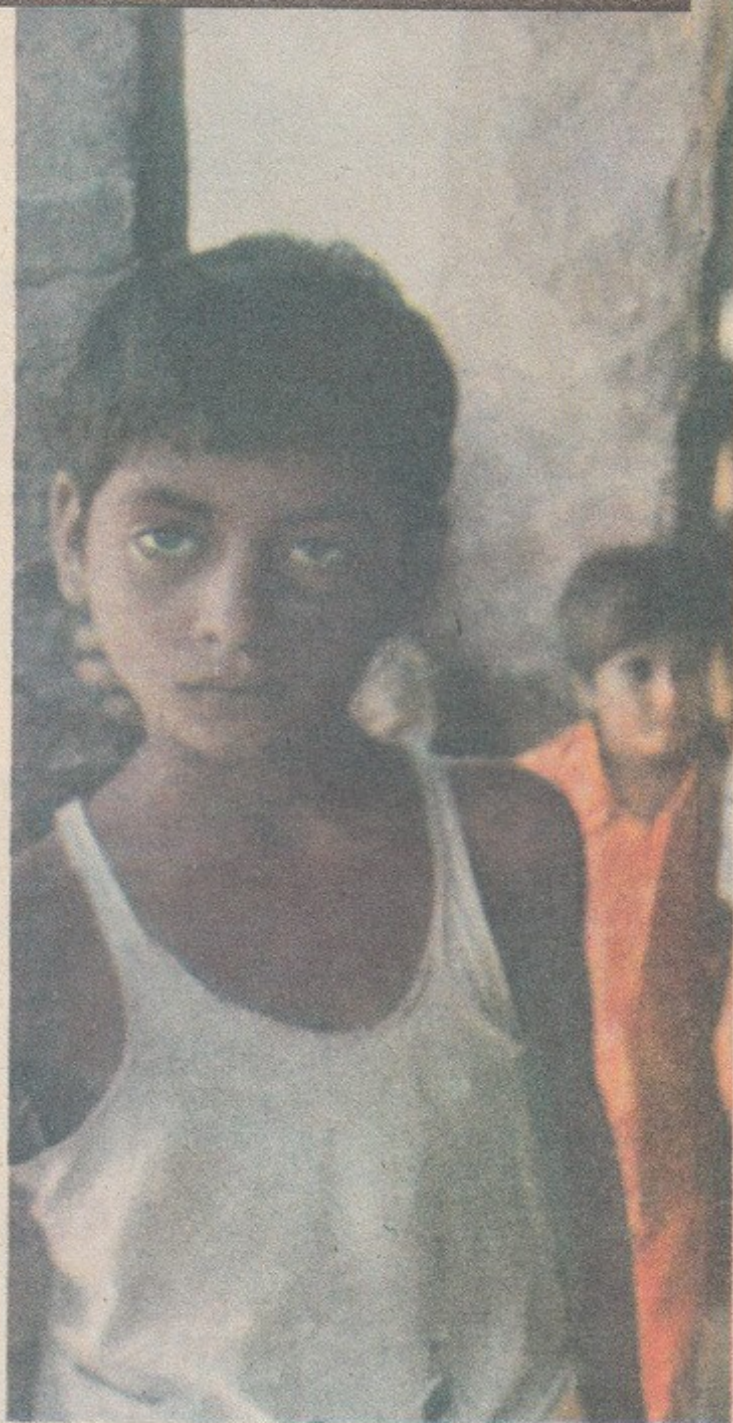
теперь?» — спросил я. «Мы начнем все сначала. Мы нужны неприкасаемым». — «А если раджпуты придут снова?» — настаивал я. «Мы скажем им: «Добро пожаловать». Ведь они тоже жертвы кастовой системы». — «Вы смелый человек».

Доктор Тиаги пожал плечами. «Я обыкновенный», — сказал он.

За крышами деревни — белая пустыня: песок и дюны, да редкие, прижавшиеся к песку кустарники. Песок тучей клубится над нашим автомобилем, забивая рот, оседая в волосах. Сто лет назад здесь были джунгли, но пришли лесорубы, и теперь вокруг нет ничего, кроме корявых кустарников, кактусов и пустынных колючек. И все же деревня осталась. Когда я смотрю на этих людей — женщин с кувшинами, в развевающихся на горячем ветру желтых сари, и мужчин в огромных тюрбанах — мне кажется, будто они органически выросли из песка. На взгляд иностранца, здешняя жизнь видится хоть и суровой, но добродетельной, искренней и гармоничной. Однако мирная картинка обманчива.

Иностранец не сможет расшифровать внешние символы действительности индийской деревни. Доктор Тиаги, с которым мы возвращаемся в Джодпур, обращает мое внимание на отличительные признаки поселений высших и низших каст. Впереди нас лежала маленькая белокаменная деревня, на небольшом расстоянии от нее находилась деревня побольше из глинобитных круглых лачуг. Между двумя поселениями плавной, раскачивающейся походкой шел караван верблюдов. Мне эта картинка сначала показалась очень красивой, но у доктора Тиаги она вызвала совсем другие ощущения.

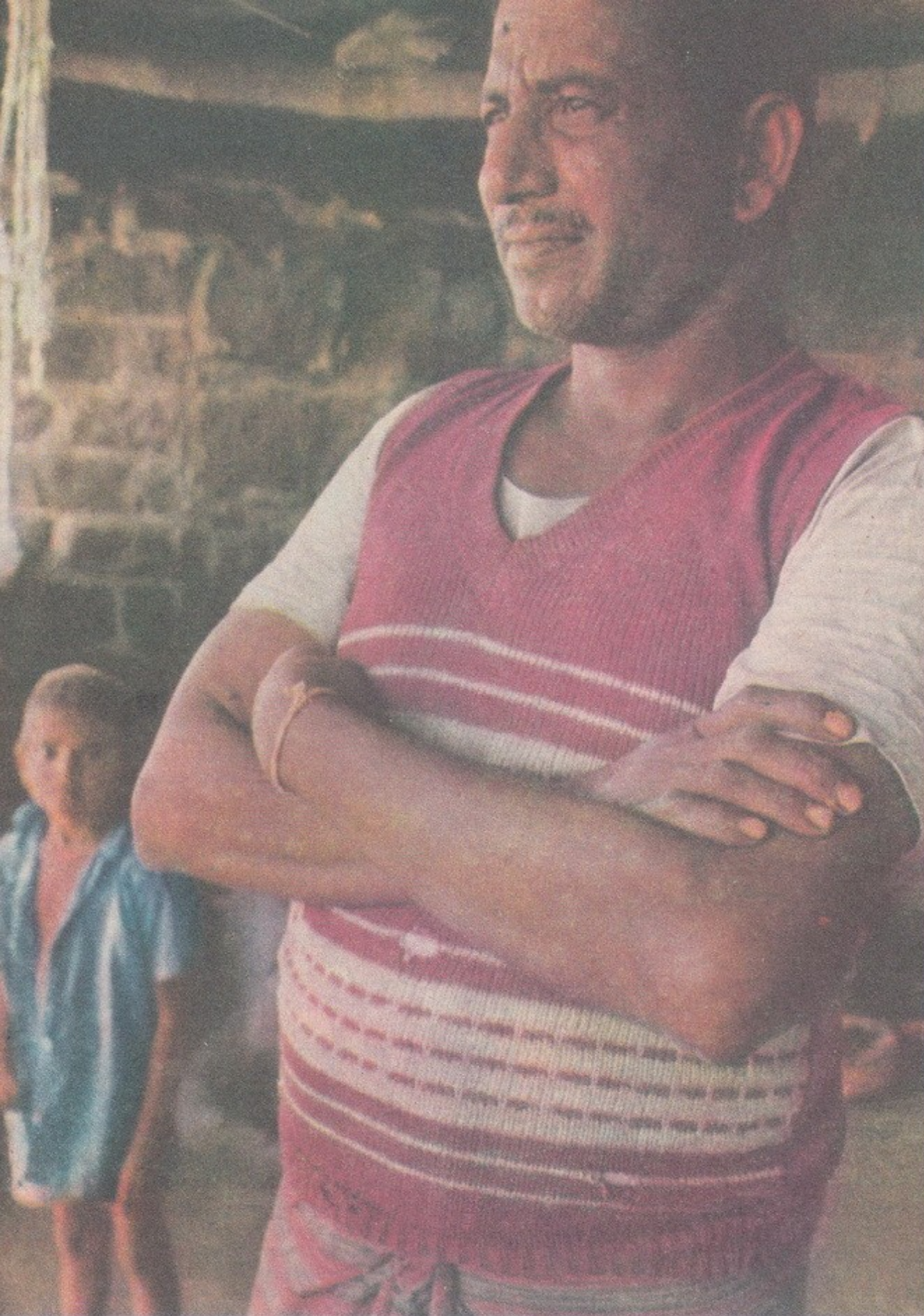
«Белокаменная деревня принадле-

жит раджпутам, — объяснил он. — Лачуги — неприкасаемым. Если неприкасаемому нужно пройти мимо жилища раджпута, он обязан разуться и идти босиком».

«Они пользуются разными колодцами?» — спросил я.

«Нет, здесь только один колодец. Если женщина из касты неприкасаемых хочет набрать воды из колодца, ей приходится ждать, пока кто-нибудь из высшей касты не согласится сделать это: неприкасаемым запрещено дотрагиваться до ведра. И так в каждой мелочи. В чайной чашки неприкасаемых хранятся отдельно от остальных, на значительном расстоянии от чашек, принадлежащих другим кастам. На собраниях неприкасаемые не имеют права сидеть на одной под-

стилке с раджпутами. Если детей неприкасаемых принимают в школу, им не разрешается сидеть за партами, они сидят на полу».

В Раджастане любая каста легко узнается по внешним признакам, если вы умеете их различать: определенное значение имеют цвет и форма тюрбанов, даже вид ваших усов — кончиками вверх или вниз, или с обстриженными концами, — узел, каким вы завязываете дхоти — эти детали скажут не только, к какой касте вы принадлежите, но и какой подуровень в ней занимаете.

Кастовое положение женщины узнается по ее украшениям и цвету платьев: голубой — цвет высших каст (в Джодпуре брахманы выкрасили даже свои дома в голубой цвет), красный, зеленый, желтый и горчичный — цвета

средних каст, а самые темные — низших.

Кастовая принадлежность отражается на всем вашем образе жизни, на выборе профессии, жены, привычек. Законы каст являются главными в жизни индийской деревни, где до сих пор живет 85 процентов населения Индии.

В соответствии с религией индусов место человека в кастовой иерархии определяется его прошлой жизнью, то есть жизнью другого человека, существовавшего прежде, в котором пребывала его душа. Хорошая жизнь вознаграждается после смерти человека его перерождением в более высокой касте, плохая наказывается неприкасаемостью. Представители высшей касты, брахманы, могут достичь нир-

Ровесник 6'91

ваны, то есть состояния, в котором вечный круговорот страданий и перерождений прекращается.

Таким образом, любая попытка выйти за рамки собственной касты при жизни не только подрывает основы кастового общества, но и является вызовом всему космическому циклу жизни и смерти. Поэтому всякого, кто займется просветительской деятельностью среди неприкасаемых, следует немедленно остановить. Когда же правительство, желая помочь неприкасаемым, резервирует для них места на государственной службе (и тем самым поднимает социальный статус неприкасаемых) — нужно остановить правительство. Так требует религия.

Узнав о решении правительства зарезервировать половину мест на государственной службе для низших каст, высшие касты развязали настоящую войну против правительства. Раджив Госвами стал одним из первых добровольцев, отправившихся на эту священную кастовую войну. Он же стал ее святым мучеником.

Раджив родился в семье брахманов, жил в Пенджабе, его отец работал клерком в почтовом ведомстве. Радживу исполнилось двадцать лет, и он надеялся устроиться на чистую, хорошо оплачиваемую работу. Тут как гром среди ясного неба грянуло решение правительства зарезервировать часть мест на государственной службе для низших каст. Тем самым шансы Раджива резко падали. Прежде у брахмана не могло возникнуть проблем с устройством на работу: неприкасаемые знали свое место. Если они и устраивались на государственную службу, то только на самую незавидную работу: мойщиками машин или разносчиками бумаг. Лучшие должности всегда были привилегией брахманов, которые посчитали себя оскорбленными решением правительства.

Сначала Раджив объявил голодную забастовку. Но голодные забастовки в Индии дело обычное, их устраивают по любому поводу — недостаточное количество коровников, поднятие цен на услуги рикш и так далее — и голодная забастовка Раджива не привлекла внимания прессы. Тогда у Раджива возник план устроить фиктивное самосожжение: он обольет ноги керосином, подожжет себя, но, едва пламя вспыхнет, друзья, которые будут рядом, погасят огонь. Он отделается небольшими ожогами, зато привлечет внимание средств массовой информации.

Но при исполнении замысла что-то не заладилось. Поначалу керосин не загорелся: слишком мало жидкости Раджив плеснул на ноги. Юноша облился как следует и зажег спичку. Когда одежда вспыхнула, никого из друзей не оказалось рядом, их оттеснила толпа зрителей. Горящий, он метался по площади, пока корреспонденты щелкали фотоаппаратами. На следующее утро, когда врачи в больнице уже перестали бороться за жизнь Раджива,

фотографии его самосожжения появились на первых полосах всех газет.

Недовольство высших каст нуждалось в катализаторе. Им и стал поступок Раджива. Волнения вспыхнули во всех больших индийских городах. Студенты — раджпуты и брахманы — первые, кто мог пострадать от решения правительства, забрасывали полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью, переворачивали автобусы и ломали железнодорожные пути. В некоторых городах полиция открыла по манифестантам огонь. По стране прокатилась волна самосожжений — не фиктивных — преднамеренных. Все, кто подверг себя этой мучительной смерти, были юношами и девушками из высших каст.

Я приехал в Раджастан месяц спустя после начала волнений. Стычки с полицией прекратились, но агрессивные настроения все еще не улеглись. В центре Джодпура я увидел манифестацию студентов из высших каст. Они гневно размахивали черными флагами, сгрудившись вокруг увеличенной фотографии Раджива Госвами и стоявшей рядом статуи бога обезьян Ганумана. («Он придаст нам сил в борьбе с правительством», — объяснил один из манифестантов.)

«Если неприкасаемые пойдут на государственную службу, все полетит к чертям», — с ужасом говорит Шиам Виас, лидер студентов.

«Так они еще, чего доброго, захотят жениться на наших девушках», — вторит ему студент Арвинд Шодари.

«Что же будет, если никто не станет убирать мусор на улицах?!» — добавляет третий студент.

Когда я уходил, студенты скандировали оскорбления в адрес премьер-министра Индии, который, по их мнению, пытается «посадить мусорщиков им на шею».

«Сингх, — кричали они, — собака». «Свинья». «Он хуже Гитлера». «Враг Индии».

Деревня Гадвада находится в сорока милях от Джодпура. Здесь живут кожевенники, принадлежащие к касте неприкасаемых и занимающие один из самых низких ее уровней. Многие годы они влачили жалчайшее существование, получая гроши за сделанную ими обувь. Но они всегда были хорошими мастерами, и однажды на их товар обратил внимание экспортер обуви из Дели. Он предложил им делать обувь по новым моделям, которую он потом экспортировал на Запад. Каждый работник стал получать по пятьдесят рупий в день, что довольно много по индийским меркам (сравните: за день работы в

поле у раджпута работник получает всего пять рупий).

Деревня процветает. Недавно в Гадваду провели электричество. Шесть семей даже смогли купить телевизоры.

Но Гадвада скорее исключение, чем правило, гораздо типичнее деревня Гагади, где был разгромлен центр доктора Тиаги: здесь живут сто семей из десяти различных каст. Раджпуты и брахманы находятся на вершине общественной пирамиды, джаты и бишнои — посередине. Под ними — еще три касты: музыканты, гончары, пастухи. И наконец три самые низкие касты неприкасаемых: дубильщики, кузнецы, мусорщики.

Бхера Рам, старый, добродушный человек, принадлежит к касте бишноев. Он вегетарианец, ни разу в жизни не прикасался к алкоголю. У него 18 племянников. Он с улыбкой предлагает чай гостям и доброжелательно беседует с ними о погоде и урожае. Но когда я затрагиваю тему правительственного решения о резервировании мест для низших каст, его глаза сужаются.

«В былые времена, когда правила магараджи, каждый знал свое место, — яростно зарычал он. — А теперь эти мусорщики лезут куда не следует. Разве может быть мусорщик ровней мне?!»

«Вы считаете, они должны быть вашими слугами?» — спрашиваю я.

«Конечно, — отвечает он, — раз я подчиняюсь тем, кто стоит выше меня, значит, те, кто стоит ниже меня, должны подчиняться мне».

«А вы разрешите неприкасаемому войти в ваш дом?»

«Если неприкасаемый только посмеет приблизиться к моему дому, я убью его», — отвечает он без колебаний.

Перед моим отъездом из Гагади я успел поговорить с племянником Бхера Рама, Ома Рамом. Он любимец дедушки, его гордость: он первый из всей семьи, кто пошел в школу. Ему почти тринадцать. Есть ли неприкасаемые в его классе, спросил я.

«Один мальчик», — ответил он.

«Ты с ним дружишь?»

«Да, но я не могу с ним гулять на улице, иначе родители очень рассердятся».

«Родители правы?»

«Нет, — ответил Ома Рам, — я хочу, чтобы все были равны».

Перевел с английского
В. ВЛАДИМИРОВ

примерно год назад... в тихие рождественские дни я начал спокойно набрасывать небольшое эссе о теме страха и предчувствии беды в восточноевропейской литературе. Но тут вмешалась сама История, лишив меня на некоторое время возможности сосредоточиться и писать. Я решил вернуться к эссе после выборов.

Что за парадокс: уже не История, а я сам стоял у себя на пути: я не мог написать ни строчки; я был подавлен, скован, бессилён; я думал писать о страхе, и вот именно страх не давал мне писать. Страх перед темой эссе, страх перед самим процессом творчества, страх перед собственными словами, перед самим собой.

Единственное, что я мог сделать в ответ на подобный парадокс, — это подойти к теме так же парадоксально: описать ту ситуацию, которая лишает меня возможности писать.

Никакое описание характеристик восточноевропейской литературы и культуры не будет полным, если не подчеркнуть одну особенно важную черту: обостренное ощущение беды, повышенное внимание к идее страха. Смысл ее очевиден. Там, где история всегда была запутанным клубком, где существуют столь сложные культурные, этнические, социальные, политические структуры, где зарождалась одна из крупнейших европейских катастроф нынешнего столетия, там страх остается существенным измерением человеческого жизненного опыта и должен быть внимательно исследован как феномен.

Думаю, что и тот вид страха, который испытал я, также типичен или по крайней мере понятен для духовной жизни Восточной Европы. Конечно, трудно представить себе, что политический деятель в Англии, Франции, США был бы удручен своей победой. В Восточной же Европе такое состояние вполне естественно. Мне встречались различные варианты такого комплекса не только на родине, но и за границей, в странах Центральной и Восточной Европы, сбросивших оковы тоталитаризма.

Людям этих стран дорого стоила обретенная свобода, оказавшаяся парадоксальным образом чем-то вроде ловушки. Им, не привыкшим к свободе, сперва было непонятно, как пользоваться ею, чем заполнить освободившееся пространство. Свобода пугала. Жизнь, казалось, теряла для этих людей цель и смысл.

Близок к этому и наш новый страх — страх перед будущим. В отличие от времен тоталитаризма, когда будущее, пусть и мерзкое, всегда было вполне ясным, сегодня оно совсем туманно. Единственная (поскольку повсеместная) при тоталитаризме опасность, опасность притеснения, сменилась целым спектром новых и незнакомых или давно забытых проблем: начиная с национальных конфликтов и кончая экономическими трудностями

обществе свобода будет неполной, если не освобождена полностью правда.

Многие из нас так или иначе виноваты. И пока мы не покаемся в содеянном, не будет ни прощения, ни мира в душе нашей. У меня есть основания верить, что правда исцеляет от страха. Те из нас, кто все эти годы, несмотря ни на что смело говорил правду, сохранили способность цельного мировидения, решимость, чувство меры, умение понимать и прощать соседа, светлое и чистое сердце. Так правда не дала нам погибнуть от отчаяния.

Наш особый, восточноевропейский страх породил немало бед. Можно показать, что не только местные, но и глобальные проблемы вызваны этим страхом. Для многих незрелых душ страх оказывается началом жестокости, насилия, фанатичной ненависти.

Но страх не всегда разрушителен. Страх перед собственным бессилием может придать новых сил. Страх перед Богом или перед совестью внушает мужество. Боясь поражения, мы скорее побеждаем. Страх перед свободой может оказаться стимулом для окончательного освобождения. А чувство страха перед будущим подчас просто необходимо, чтобы это будущее оказалось таким, каким мы его увидать боимся.

Чем чувствительней относимся

СТРАХ ПЕРЕД ЛОЖЬЮ И ПРАВДОЙ

Эту речь Вацлав Гавел произнес вскоре после избрания его Президентом ЧСФР перед австрийской аудиторией на Зальцбургском литературном фестивале. В своих суждениях Гавел парадоксален: свобода может пугать, страх может быть полезен. Размышления Гавела во многом помогают понять психологию современного восточного европейца и объясняют наличие мотива страха и предчувствия беды в литературах этих стран.

В этом выступлении, которое мы публикуем с небольшими сокращениями, Гавел предстал не столько как политический деятель, сколько как писатель, интеллигент, гражданин, человек своего времени — времени парадоксов и неожиданностей, а также проблем не менее, если не более сложных, чем проблема несвободы — основная в эпоху тоталитаризма.

и опасностью новой кабалы — коммерческой, денежной, потребительской.

Мы хорошо умели проигрывать, справились с ролью преследуемых. Может быть, поэтому победа и отсутствие притеснителей вызвали дискомфорт. Порой я видел в людях даже ностальгию по временам, когда жизнь шла по течению и не вырывалась из берегов, правда, очень узких, с одинаковыми пейзажами, но берегов, которые были видны каждому. Теперь же берега раздвинулись, и плыть стало немного страшновато.

Перед вами, повторяю, чисто восточноевропейская ситуация. В нашей литературе великое множество примеров такого рода ситуаций из столь недавнего прошлого — двух мировых

войн. Судьбе было угодно, чтобы я сталкивался с этим страхом чаще других и в наиболее непредсказуемых ситуациях.

Наш страх перед Историей — это не только боязнь будущего, но и теснейшим образом взаимосвязанная и взаимообусловленная с ней боязнь прошлого. Кто боится смотреть вперед, неохотно оборачивается назад, а кого пугает прошлое, того пугает и все, что еще предстоит. И слишком часто в нашей жизни боязнь солгать порождает ложь новую. Мы тешимся надеждою, что, не солгав в чем-то одном, можно вообще избавиться от лжи. Те, кто фальсифицирует историю, не защищают свободу народа, а скорее угрожают ей самым серьезным образом... В

Вацлав ГАВЕЛ,
Президент ЧСФР

мы к любой угрозе, тем нам легче от нее обороняться. Мне даже кажется, что за унынием и ощущением пустоты может скрываться вызов жизни, поиск ее нового смысла. Разве не с сомнения начинается истина? Может быть, отчаяние питает надежду, и, не пережив сперва абсурдность жизни, трудно постичь ее осмысленность.

Порассуждав в несвойственной политике манере о своих минутах отчаяния, закончу все же оптимистически. Давайте вместе приложим максимум усилий, чтобы избавиться от страха перед ложью и от страха перед правдой. Посмотрим спокойно и трезво на самих себя, на наше прошлое, настоящее и будущее. Давайте поседем семена наших сомнений, страхов, отчаяния и пожнем счастливые всходы нового европейского самосознания — самосознания тех, кто не боится заглянуть за горизонт личных и групповых интересов, за горизонт сегодняшнего дня.

Перевел П. ПОНОМАРЕВ

Он приехал ко мне на метро в час пик. Вошел растрепанный ветром — погода была на редкость противная, — в старомодном плаще, выцветшей шляпе, с огромным портфелем в руках. Мой щенок спаниель заюлил у него под ногами. «Да, хорошая собачка», — отрешенно сказал Юрий Витальевич, топчась в дверях, словно забыв, зачем пришел.

Прежде я никогда его не видел и по голосу представлял другим. Голос и сейчас был тем же, что по телефону, мягким и осторожным, но не изысканно-барским, как мне казалось, а скорее растерянным, как у рассеянного человека, вечно думающего совсем не о том, о чем вы с ним говорите. Усталые, с синими мешками глаза не замечали ничего вокруг, обращенные куда-то внутрь. Во всей его фигуре было нечто трогательное: бесформенные башмаки, обвисший костюм и унылый галстук никак не производили впечатления, что перед вами заграничная знаменитость. Внешне он остался все тем же учителем математики, на уроке которого можно смело пускать бумажного голубя.

Работая преподавателем математики в советских школах и техникумах, он писал рассказы. Ни один из них не был опубликован: советские издательства не устраивало их литературное направление — сюрреализм. «Но мне хотелось, чтобы мои произведения были опубликованы при жизни, а не после моей смерти», — объясняет Юрий Витальевич причину отъезда из Советского Союза.

Юрий Витальевич Мамлеев живет в Париже, долгое время жил в США. Эмигрировал из СССР в 1974 году. В тот год я поступил в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза, мечтал о командировках за границу.

Карьера Мамлеева в США сложилась удачно: публикация книг приносит ему известность, он устраивается в Корнельский университет, читает в разных городах Америки публичные лекции, его принимают в престижный писательский Пен-клуб. У него есть дом и автомобиль.

15 лет назад уехать из СССР удавалось немногим, сегодня эмигрируют десятки тысяч. Человек ищет, где лучше. Здесь плохо. Здесь кризис. Здесь как на пороховой бочке. А что там — за снесенной стеной? Об этом я и собираюсь поговорить с Юрием Витальевичем.

Он сел в кресло, надел очки и робко, словно боялся обидеть, отодвигая от себя моего общительного щенка, принялся делать крючковатые записи, готовясь к интервью. Еще раз уточнил тему, подрисовал кружков и стрелок в своем плане, беспомощно посмотрел на исписанный лист бумаги — 15 лет жизни: «Значит, с самого начала, да?» — наконец сказал он и потом еще долго сидел и молчал.

Он тихо-тихо начал говорить, но за-

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В. СИМОНОВ

звонил телефон, трубку взял сын Олежка и стал диктовать по дневнику домашнее задание. Юрий Витальевич ждал, ему требовалась полная тишина.

«Ожидания у нас — я уезжал не один, с целой группой писателей, поэтов, художников — были такие радужные и оптимистические, что казалось, стоит нам оказаться на Западе, как все наши мечты исполнятся сами собой. Наивные, детские ожидания. Хотя все мы были взрослые люди и много читали о Западе, но все равно имели о нем совершенно нелепые и сказочные представления».

Сначала мы попали в Вену. Нас поразили здания, красивые автомобили и изобилие товаров. Нами овладела эйфория, именно эйфория. Но другие эмигранты, с которыми мы там познакомились, эмигранты из Югославии, да и сами австрийцы смотрели на нас с ужасом и сочувствием. Они говорили: ой, как вам трудно придется. Мы ликовали, а нас уже хоронили.

В чем тут дело, мы поняли чуть позже, уже в США. Когда мы делились своими планами на будущее, заявляя, что теперь все наши трудности позади, американцы хохотали над нами, будто мы говорили что-то безумно смешное.

Ситуация сложилась действительно анекдотическая. Например, некоторые из нас считали, что на Западе можно прожить на поэзию, и когда чинов-

ник эмиграционной службы спрашивал: «Ваша профессия?», а ему гордо отвечали: «Поэт», чиновник сердился и кричал примерно следующее: «Кто? Кто? Вы что, издеваетесь надо мной?!» Лишь потом мы узнали, что вообще на серьезную литературу в Америке не проживешь. За счет издания своих книг безбедно могут существовать буквально несколько самых знаменитых американских писателей (я не имею в виду коммерческую развлекательную литературу с ее массовыми тиражами). Поэты же издаются тиражами меньше чем в тысячу экземпляров. Практически поэзия ушла из американского общества, сам поэтический подход к миру исчез из западного образа жизни. Это общество откровенных прагматиков.

Основной заработок может дать только работа, и каждый из нас старался устроиться преподавателем, переводчиком, журналистом и так далее. Мне повезло: меня пригласили на кафедру славистики в Корнельский университет, где когда-то преподавал Набоков. Другим повезло меньше, некоторые бедствовали. Очень трудно пришлось моему товарищу Эдуарду Лимонову. Долгое время он не мог найти работу, его роман «Я, Эдичка» отказались публиковать все американские издательства: там слишком критически изображалось американское общество.

Когда мы приехали в США, всех нас

Юрий Витальевич сделал значительное лицо. Я представил его в тот момент разговора с бойцом-американцем: вот он сидит в своем мешковатом костюме и чувствует себя как рыба, выброшенная на золотой пляж, где уверенно ходит высшая каста двуногих. Борьба за деньги — будущее всего человечества? В чем тогда смысл существования? Зачем были Толстой и Достоевский?

Не знаю, эти или другие вопросы задавал себе Юрий Витальевич в тот момент, может быть, вообще никаких. Он сказал «шок». Результаты шоковой терапии не заставили себя ждать.

«Мы очень скоро поняли, чтобы выжить, нужно помалкивать, отказаться от всех иллюзий, загнать внутрь себя прежние привычки и русские качества, чтобы они не мешали в этой жуткой борьбе за существование».

В эмиграции бывали случаи самоубийств. Я думаю, люди уходили из жизни потому, что так и не смогли преодолеть в себе прежней идеализации Запада.

Главное на Западе — работа. Товаров полно, но нужны деньги, а получить работу и зарабатывать деньги — трудно. Поначалу мы удивлялись, читая в газетах, что, потеряв работу, люди порой кончают самоубийством. Казалось бы, из-за такого пустяка! Объяснить, наверное, невозможно. Понять способен только тот, кто день за днем, год за годом носит в себе этот страх вдруг все потерять. Так уж устроена там жизнь.

Страх безработицы и презрение к бедности дают истерический импульс работать хорошо. И они работают как проклятые. Трудно вообразить, что во время рабочего дня американец позволит себе перекур хотя бы на 1 — 2 минуты. Разговоры на неслужебные темы исключены: работнику платят за каждую минуту, и на любого, кто болтает по пустякам, смотрят как на вора, крадущего у фирмы ее деньги.

Когда я ходил по улицам Нью-Йорка, я видел в лицах только стресс и напряжение. Именно как в джунглях... Хотя внешне все выглядят бодрыми. Должны выглядеть. Всегда и везде, независимо от того, что творится на душе, должны демонстрировать всем отличное настроение: «Айм фajn» («У меня все прекрасно»). Как недавно у нас, в Америке тоже правит идеология, но идеология материального успеха и эгоизма. Все, что не связано с деньгами, не имеет никакого значения.

Едва моя жена устроилась на работу в библиотеку Корнельского университета, коллеги ее предупредили: если ты приходишь на работу с понурым видом, рано или поздно тебя обязательно уволят. Жена рассказала такой случай: ее подруга через три дня после смерти матери вышла на работу. Моя жена, конечно, бросилась к ней со словами сочувствия, но та лишь улыбнулась и сказала: «Айм фajn», и весь день работала как ни в чем не бывало».

Эмигранты из СССР, прибывшие в США.

разместили в недорогом отеле, но все-таки в центре Нью-Йорка, на Манхэттене. Нам с женой выделили отдельный номер. И тут, на первый или второй день, у меня случился сердечный приступ, как я тогда думал. Знаете, постоянная, очень сильная боль в области сердца. Я решил, ну, все — инфаркт!

При расселении нам объяснили, что в отеле имеется свой врач. Конечно, жена сразу позвонила по телефону, и ее соединили с тем врачом. Врач сказал: хорошо, он придет, но за осмотр нужно заплатить 50 (не помню точно) долларов. Жена попробовала объяснить, что пока у нас нет американских денег, потом стала кричать в трубку: «Но человек может умереть!» — «Это ваша проблема», — сказал врач, именно так и сказал: «Итс ёр бизнес», и положил трубку.

Слава богу, все обошлось: никакого инфаркта у меня не было, боли носили совсем другой характер. Но если бы у меня все-таки был инфаркт, я вполне мог умереть. Клятва Гиппократа не действует, если у умирающего нет денег.

Но главный шок я испытал потом. Я уже начал немножко публиковаться, и меня пригласили на один писательский вечер. Там я познакомился с американским журналистом, который сказал мне следующее: «Запомните, этот мир и этот город — джунгли. Здесь есть только выигравшие и проигравшие. Не дай вам бог оказаться проигравшим. Тут вечная борьба за выживание. Деньги прежде всего!» Заключение он сделал интересное: «А мне это нравится! И запомните — таково будущее всего человечества».

Ах, Юрий Витальевич, вы рискуете вызвать шквал читательского негодования. Осатаневший от всеобщего развала советский читатель может подумать, что вы издеваетесь. Что ему с того, что он волен ходить с кислым лицом, не боится наорать на своего начальника, хлопнуть дверью или весь рабочий день прорассуждать, что нигде и ни в чем у нас нет порядка. Стоя в очереди, он мечтает об американском изобилии. Он готов вкалывать, если будут платить, как в Америке. И я пробую представить всех нас в будущем, перенявших американский образ жизни, словно шагнувших из одного инкубатора одинаково бодрой армией наемного труда. Возможно ли это? Вполне. Ведь однажды мы уже были единой бодрой армией. Но Юрий Витальевич думает иначе:

«Мое основное впечатление о западных людях то, что мы, русские, сильно от них отличаемся. У нас другая психология. Мы недооцениваем сами себя, особенно свои внутренние силы. Когда нам предлагают быть такими, как они, нам предлагают духовное самоубийство. Да у нас и не получится быть такими. Нужно создать что-то свое, чтобы не чувствовать себя иностранцами в своей стране.

Но тут сейчас такое самооплевывание! Здесь допускается то, что ни в одной стране вообще недопустимо: нигде в мире не допустят в прессе таких диких выпадов против собственной страны, такого патологического мазохизма...»

Юрий Витальевич замолчал, так как в двери повернулся ключ и вошла жена. Она заглянула в комнату и сразу же скрылась на кухне, стараясь не мешать. Юрий Витальевич снова собрался с мыслями, но тут прискакал щенок с костью, приладил на его тапках и радостно захрустел. Юрий Витальевич сидел с видом человека, попавшего в безвыходное положение, пока я не отогнал щенка.

«Та система создала совершенно новые отношения между людьми. Кроме денег, ничего не существует — никаких человеческих отношений. Это общество духовной пустоты. Иногда его называют денежно-технологической цивилизацией. Все американцы подробно классифицируются по одному признаку — по деньгам: высший средний класс, средний средний класс, низший средний класс, в высшем и низшем классах — тоже свои уровни.

Вода в богатом районе лучше, чем в бедном. Даже вода! Очистка другая, очистка стоит денег.

Мы встречали много людей, которые страдают от подобного устройства общества — от нищих, безработных, бездомных до интеллектуалов. Но некоторые американцы считают, что именно такое устройство — самое правильное. Есть философия, утверждающая, что человек должен быть стопроцентным эгоистом. Эту философию преподают в университетах.

Я был свидетелем такого случая: од-

на женщина поехала в отпуск на курорт, где получила телеграмму, что ее сын серьезно болен и может умереть. Она решила не прерывать отдых. Мать! Когда она вернулась из отпуска, сын был уже мертв.

Когда мы только что приехали в США, одна русская эмигрантка сказала нам: «В этой цивилизации есть все, кроме любви».

Ах, милый Юрий Витальевич, вы, конечно, утрируете. Уж люди-то везде одинаковые — хотят любить и быть любимыми. В вашу черную картинку совсем не хочется верить. Ведь мир — он разноцветный!

«Да, люди везде люди, в Америке много прекрасных людей, но цивилизации могут быть разными. Мы приходили в ужас не от людей, а от того, что сделала с ними та цивилизация. Но и был там весьма напряженный. Я объясняю здесь, что там все время, как сумасшедший, человек должен считать и считать каждый доллар. Главные деньги уходят на оплату жилья, электричества, газа, а на витрины почти ничего не остается. Вполне обычная ситуация, когда семья, у которой есть свой автомобиль, не всегда может позволить себе обыкновенный поход в кино. Потому что нужно оплачивать счета, счета, счета, бесконечные счета, съедающие все наличные. У некоторых американских бездомных есть свои (конечно, изрядно подержанные) автомобили, но это абсолютно ничего не значит. Нельзя мерить ту жизнь здешними мерками. Там месячная квартплата может быть гораздо большей, чем стоимость подержанного автомобиля. Когда я пытаюсь это объяснить, меня многие не понимают.

И, наконец, я говорю об общем ощущении — словно живешь в пустоте. Хотя у нас были настоящие друзья среди американцев, но их было немного, как правило, ирландцы. Но это почти ничего не меняло в том общем ощущении. Все заняты, все работают на износ, им не о чем говорить, кроме как о погоде и тому подобном. И чего уж я совсем не ожидал, так это ощущения неимоверной скуки, несмотря на всю индустрию развлечений, развитую там до предела. Но если внутри у вас пустота, никакие внешние развлечения вам не помогут. Я бывал на вечерах, на которых собирались как будто умнейшие люди, но и там царила такая скука!

И при всем при том многие из них выглядят очень дружелюбными. Бесконечные похлопывания по плечу и улыбки, они обязательно спросят: «Хау а ю?» («Как дела?»), но скоро мы поняли, что за этим — я не говорю об исключениях — ничего не стоит: словно общаешься с манекенами».

Юрий Витальевич давно посматри-

вал на часы: он не предполагал, что интервью так затянется, и теперь страшно куда-то опаздывал.

Через день Юрий Витальевич позвонил и, очень стесняясь, попросил: «Понимаете, Володя, мне тут не к кому обратиться. Мы с женой хотели бы посмотреть дачу. Нужен свой клочок на родной земле. Не могли бы вы нас туда отвезти?»

Мы приехали в дачный поселок в пятидесяти километрах от Москвы и осмотрели домик. Меня удивило, что прежде всего Юрия Витальевича интересовало, где брать дрова, как утеплить дом, живет ли хоть кто-нибудь в поселке зимой, не замерзает ли в колодце вода? Большую часть времени они с женой собирались жить здесь, бороться с дровами, сыростью и снегом, отдыхая от Нью-Йорка и Парижа.

P.S. Когда Юрий Витальевич прочел этот материал, он даже обиделся: «Процитировано все верно, — начал он, подбирая слова, — но в остальном... Я же писатель! А у вас, Володя, пришел какой-то чужак и что-то наговорил». Мне было стыдно, что ничего из написанного им я не читал. Тогда он извлек из пухлого портфеля небольшую книжицу — Юрий Мамлеев «Утопи мою голову», — только-только отпечатанную, еще пахнущую типографией, свою первую книгу, опубликованную в Советском Союзе, и подарил ее мне. Большинство рассказов сборника было написано до отъезда за границу. За эти пятнадцать лет, пока я заканчивал институт, женился, разводился, становился журналистом и снова женился, рассказы оставались теми же, не старея. Ничего подобного не доводилось читать прежде! И дело даже не в том, что в его рассказах множество смертей, покойников, вурдалаков и упырей. Мне рассказы Юрия Мамлеева не показались ни зловещими, ни жуткими. Даже сюрреалистическими я не хотел бы их называть: настолько точно они раскрывают нашу действительность, порой куда более сюрреалистическую, чем любой рассказ. Надеюсь, как и я, дорогой читатель, вы тоже откроете для себя «нового» замечательного русского писателя Юрия Мамлеева. А что касается внешнего портрета Юрия Витальевича, исправлять мне ничего не хочется. Я вспомнил историю, рассказанную им самим по дороге на дачу: когда к нему домой в Париже приехали французские журналисты для интервью, то долго не могли поверить, что перед ними тот самый Мамлеев, автор страшных рассказов. «Ну что, мне с топором нужно было к ним выйти?» — пошутил тогда Юрий Витальевич. Возможно, и меня тоже ввела в заблуждение его внешность. Пусть так. Зато рассказы очень понравились.

О ИМЕНА, О НРАВЫ!

«**7**» реже всего я объявил, что имя его будет «Пятница», так как в этот день недели я спас ему жизнь» — такое вот простое и незатейливое решение принял славный Робинзон, повстречав на необитаемом острове преданного слугу и друга. Чем хороша жизнь на необитаемых островах, так это отсутствием всякого рода условностей, в том числе и при выборе имен.

Окажись наш Робинзон в сегодняшней Германии, он бы изрядно намутился, обивая пороги городских и судебных инстанций и пытаясь выписать метрику для своего островного друга с таким именем.

Многие немецкие родители могли бы пропеть свои печальные песни о том, как они преодолевали бюрократические барьеры, давая «из ряда вон выходящие» имена своим младенцам.

Тому уже пять лет, как господин Адам Лаубингер и его супруга называют своего сына Леонардо да Винчи. В свидетельстве о рождении мальчик записан как Леонардо. И все. Точка. Приставочку «да Винчи» отменил городской суд. Земельный суд подтвердил это решение. Третья инстанция — Верховный земельный суд оставил решение в силе. Спор из-за имени уже обошелся упрямому папаше не в одну тысячу марок. Но это еще не конец, и торговцу антиквариатом господину Лаубингеру снова предстоят расходы на судебные издержки и адвокатов; теперь именем «Леонардо да Винчи» займется федеральный суд.

Страстный поклонник всех искусств, господин Лаубингер, отзываются на библейское имя Адам, не теряет надежды: «В последние годы судебные инстанции все чаще соглашаются с непривычными именами. Я думаю, дело мы все-таки выиграем».

Надо сказать, что почитатель великого итальянца вообще человек своеобразный. Двух других своих детей он назвал Ревекка (это имя запало ему в голову, когда он прочел Библию) и Жофрей в честь героя романа «Анжелика и король».

То, что увлечение литературой играет не последнюю роль в выборе имен для детей, доказывает, в частности, и история семьи Кампманнов из Берлина.

В 1926 году теперешняя прабабушка Кампманн произвела на свет чудесного здорового мальчика. Так уж случилось, что именно в то время оба старших сына ее буквально «глотали» книжки Карла Мэя о приключениях вождя индейцев по имени Виннету. Матушка Кампманн была вынуждена уступить настоятельным просьбам старших сыновей, и их нового братишку окрестили по имени вождя апачей.

Служащие в городской ратуше оказались людьми начитанными и понимающими, и никаких проблем с новорожденным Виннету не возникло: в конце концов имя было хорошо известным и к тому же мужественным. Сегодня на белом свете живет ровно столько Виннету, сколько частей романа сочинил Карл Мэй: Виннету-I (дедушка), Виннету-II (отец) и Виннету-III (сын). Вот что рассказывает самый старший Виннету про то, как ему живется с таким именем: «В школе мне все страшно завидовали. Да и сегодня имя помогает мне делать хорошую рекламу нашей фирме». Кроме этого, ему бесконечно

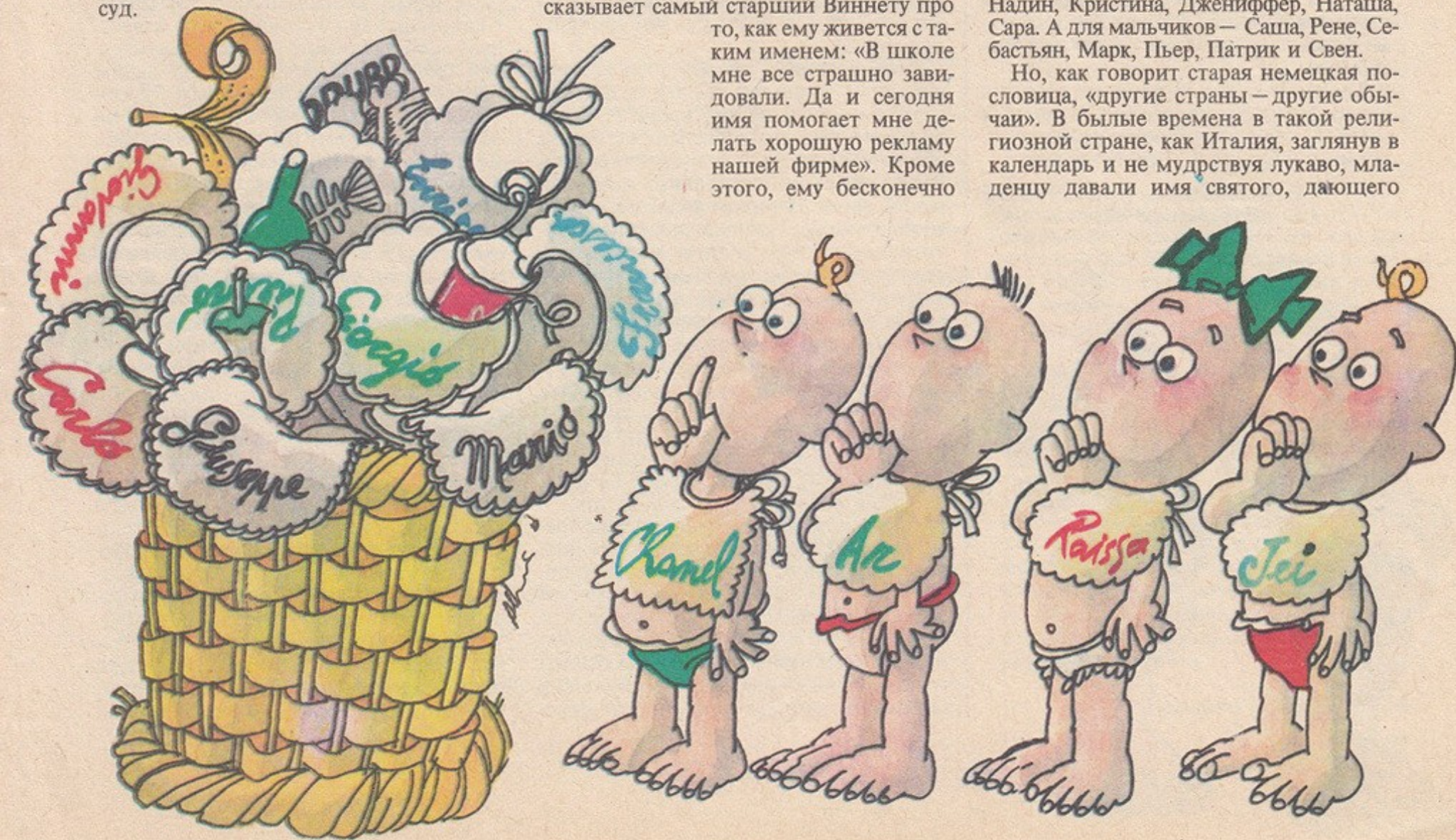
льстит изумление, всякий раз возникающее на другом конце провода, когда в телефонных разговорах с клиентами или официальными учреждениями он представляется как Виннету. В ответ он иногда слышит: «А я — Верная Рука — друг индейцев».

Никакого героя романа не было и в помине, и ни о каких конфликтах с городскими властями не помышляли супруги Пульманн, когда пришло время появиться на свет их младенцу. Вышло так, что ребенок увидел свет божий несколько раньше, чем машина господина Пульманна «ситроен Паллас» прибыла к месту назначения, хоть и мчалась со скоростью 160 километров в час. В знак благодарности к родильному дому на колесах к имени мальчика Патрик прибавили второе имя — Паллас. Чиновник в городской ратуше всячески сопротивлялся вписать в метрику второе имя, и тогда господин Пульманн принес прочитать ему одну умную книгу, где черным по белому было написано, что Палласом звали греческого министра финансов, состоявшего на службе у римлян. Таким образом, желание господина Пульманна вполне соответствовало предписанию о том, что имя, во-первых, не должно быть неприличным или оскорбительным, во-вторых, не должно делать носителя имени посмешищем, а в-третьих, должно давать возможность распознавать пол.

Вообще же в Германии не существует каких-либо особых законов об именах, все зависит от решения служащего в городском управлении записей актов гражданского состояния. В спорных случаях вопрос о том, как человека будут называть всю его жизнь, решает суд.

В прошлом году самыми популярными для девочек в Германии были имена: Надин, Кристина, Джениффер, Наташа, Сара. А для мальчиков — Саша, Рене, Себастьян, Марк, Пьер, Патрик и Свен.

Но, как говорит старая немецкая поговорка, «другие страны — другие обычаи». В былые времена в такой религиозной стране, как Италия, заглянув в календарь и не мудрствуя лукаво, младенцу давали имя святого, дающего

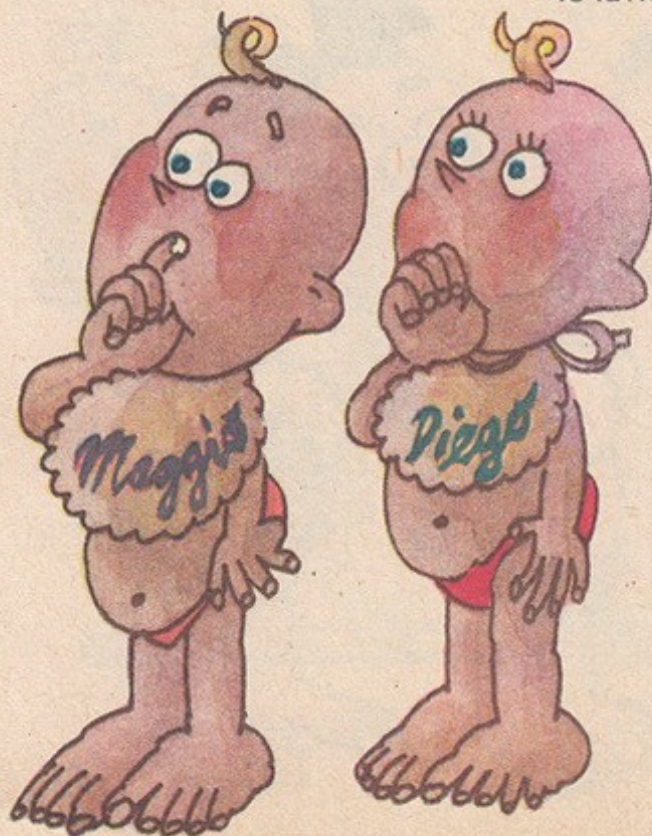
право на празднование именин. Тридцать лет назад список святых состоял из 10 тысяч имен. Заложенный в компьютер справочник свидетельствует об уважении итальянцев к вере и религии, потому что среди самых любимых имен числились Мария и Джузеппе (Иосиф) — имена Святого семейства, а за ними уже следовали Анна, Джузеппина, Роза, Анжела и мужские — Джованни, Антонио, Марио, Луиджи.

Но вот грянула эпоха расцвета средств массовой информации и резко изменила привычную картину. Начать хотя бы с того, что список имен вдесятеро сократился, иными словами, обеднел. Во-вторых, итальянские родители, забыв о добрых старых семейных традициях, норовят дать ребенку имя не в честь родного дедушки или любящей бабушки, а в честь очередной знаменитости сезона: звезды телевидения, эстрады или спорта. Болельщикам футбола, к примеру, пришлось по вкусу уменьшительное имя знаменитого футболиста Скилаччи — Тото. И тут же народились многочисленные Сальваторе и Антонио, которых тоже можно называть Тото. Поклонники дуэта Альбано и Ромины Пауэр называют своих чад в честь детей певцов — Йари и Иления. В почете имена принцесс Монакских — Каролина и Стефания. Итальянцы пришли в восторг от имени жены советского лидера, и сейчас в Италии подрастают много маленьких Раис. Не оставлено без внимания и имя рок-дивы Мадонны.

Во Франции одна супружеская чета умудрилась выбрать для своей наследницы имя Шанель, ну и нажила себе неприятностей! Адвокаты фирмы «Шанель» подали в суд: имя-то запатентовано! Только фирма вправе давать это имя духам и прочей своей продукции. Суд удовлетворил иск: отныне девочка может носить только свое второе или третье имя.

Как видим, ни в Италии, ни в других европейских странах среди популярных имен «Леонардо да Винчи» не значится. Ну и что? Все течет, все изменяется!

Е.ЛИВШИЦ, С. КАВТАРАДЗЕ
(По материалам европейской печати)

Э то был один из наиболее впечатляющих экспериментов известного гипнотерапевта. Он внушил одному литератору, что тот отправляется на поиски своего предыдущего существования. К великому удивлению свидетелей этой сцены, литератор вдруг заговорил с явным ирландским акцентом и в ответ на просьбу назвать свое имя ответил «Стивен Гарретт». Как можно было понять из его слов, «Стивен» жил в Дублине в конце прошлого века.

При этом литератор продемонстрировал поверхностное, но тем не менее поразительное знание городского фольклора Дублина конца XIX века, описал набережные этого города, галереи, где гнездились изящные домики георгианской эпохи...

Придя в сознание, литератор, имевший далеких ирландских предков, но рожденный в Филадельфии, не мог объяснить эти «воспоминания»: «Вначале я допускал, что полностью все выдумываю и что эти явления порождаются моим воображением. Но, слушая ответы, исходящие из моих собственных уст, я был ошеломлен. У меня появилось впечатление, что во мне поселились какие-то духи или что-то в этом роде».

Еще один случай из практики того же гипнотерапевта. Некий журналист скептического образа мыслей очутился... в эпоху царствования английского короля Якова II. Впечатления были сходными: «Когда я слушал на магнитофоне запись эксперимента, — говорил потом журналист, — я ловил себя на том, что слышу человека, совсем мне незнакомого. Голос был мой, но мысли и чувства принадлежали, казалось, кому-то другому. Никогда я сознательно не давал бы таких ответов. Как будто кто-нибудь овладел мною».

Исследования случаев, когда под влиянием гипноза в памяти возникали картины «предыдущей жизни», убедили меня в том, что эти явления столь же объяснимы, сколь и фантастичны. Они происходят не из реальных воспоминаний, их источником является работа воображения, восстанавливающая прочитанное, а потом забытое, но бессознательно сохраненное в памяти.

Ну и что? — спросите вы. Что еще, кроме того, что художественные произведения могут оставлять у людей неизгладимые воспоминания? Подвергнувшийся гипнотическому эксперименту литератор не отрицает, что личность Стивена Гаррета действительно в большой степени обязана происхождением прочитанному роману Джойса «Улисс», действие которого происходит тоже в Дублине и приблизительно в те же времена. Необыкновенно другое — точное восстановление мельчайших подробностей романа, деталей, отложившихся в памяти на целые десятилетия. Это-то и наводит на мысль, что за пределами нашего «повседневного» «я» мы храним гораздо больше информации, нежели в сознании, что в нас таится нечто вроде

руководящего марионетками кукольника, который, как сцены спектакля, связывает воедино наши сновидения. Ведь практически каждый человек не мог не удивиться оригинальности и легкости, с какой этот наш внутренний режиссер может иногда подсказать ответы на вопросы, недоступные нам в ходе сознательного размышления.

Так что же представляет собой этот удивительный гений, которому мы даем разнообразные имена от «сознательного» или «бессознательного» до какого-нибудь «личного духа» и который я предпочитаю называть сверх-«я»? Где границы его возможностей? В какой мере он является нашим действительным «я»?

Более ста лет тому назад Уильям Теккерей писал: «Я удивлялся иногда замечаниям некоторых моих героев. Казалось, какая-то тайная сила приводила в движение мое перо. Герой говорит, действует, а я себя спрашиваю: как же это, черт побери, его угораздило подумать этакое?» Чарльз Диккенс также писал, что когда он садится за новую книгу, некая благотворная сила снимает с нее загадочный покров. Роберт Льюис Стивенсон, отец «Доктора Джекила и мистера Хайда», полушутя приписывал талант рассказчика «феям, которые выполняли за меня половину работы, пока я спал».

Как видно, значительная часть литературного творчества происходит в таком состоянии духа, которое нельзя назвать обыкновенным. Но можно ли поверить, что подобную созидательную творческую силу следует объяснять существованием в нас некоего духа, не поддающегося сознательному контролю с нашей стороны? Историки и математики знают о существовании своего рода «расы» гениальных математиков. Например, Карл Фридрих Гаусс, известный всем как основатель математической теории электричества, был сыном простого рабочего с начальным образованием. В трехлетнем возрасте, еще не обученный ничему такому, он однажды заметил, как отец бьется с расчетами жалования рабочим своей смены. Когда отец собирался проверить высчитанную сумму, мальш подошел к нему и сказал: «Папа, ты посчитал неправильно», и назвал правильную цифру. В возрасте девяти лет, едва начав ходить в школу, он мгновенно совершал в уме серию арифметических операций, которые его товарищи выполняли более чем за час.

Еще один из подобных вундеркиндов, Трумен Стеффорд, ставший профессором астрономии в двадцать лет. Ему был предложен тест: дать результат умножения в уме восьмизначного числа на самое себя. Вот как свидетели описывают его жесты во время подсчета, напоминающие жестикуляцию поэтов или композиторов во время вдохновения: «Он волчком кружился по комнате, задира штанины брюк над ботинками, кусал руки, вращал глазами, вдруг принимался смеяться или говорить и, наконец, словно в агонии, менее чем че-

калека. При родах произошла трагедия: ребенок был так долго лишен кислорода, что потом не мог двигаться и говорить. Его мать, не веря в то, что она делает, учила ребенка всему тому, чему обычно учат детей. Все десять лет она не была уверена, что Кристофер даже понимает ее. Ему не было еще и двенадцати лет, когда благодаря новому лекарству и специальному устройству он медленно, но даже без ошибок напечатал стихотворение.

Оказывается, все это время больной отдавал себе отчет в своем положении, не переставая внимательно наблюдать за внешним миром, слушая и понимая разговоры, вдыхая запахи, ощущая вкусы, переживая боль и радость благодаря обостренной интуиции, развившейся в нем во время болезни, втайне от других людей. Несмотря на полную неспособность двигаться (например, переворачивать страницу), он учился читать и писать, опередив самых одаренных сверстников. С трех лет (!) он откладывал в памяти все свои стихи, чтобы потом, когда произойдет чудо, передать их внешнему миру. И Кристофер получил эту возможность. Произошло это вопреки недугу — или благодаря ему?

Явления сверх-«я» показали, что мы впитываем и запоминаем даже самые незначительные детали нашего существования вплоть до содержания страниц, которые мы всего лишь пролистываем. Откуда этот механизм? Как добраться до почти документальной записи всей нашей жизни, подобной записи «черного ящика», к которому мы имеем ограниченный доступ?

С религиозной точки зрения можно было бы определить сверх-«я» как одного из тех ангелов-хранителей, о которых говорит христианское предание. Он оберегает нас и помогает в критических ситуациях.

А может быть, это и есть наше настоящее «я», то есть то, что верующие называют бессмертной душой, существующей вне времени, вне физического тела, и погубить ее не могут никакие резкие изменения в физическом теле и принадлежащем ему рассудке? Может быть, это и есть бессмертная наша часть? Мы живем в век научных открытий и быстро отвернулись от проблем нашего внутреннего бытия, как бы не замечая бедности наших знаний об этом.

Ответы, которые мы можем представить, не просты. Несмотря на все, что мы узнали о далеких планетах и межпланетных пространствах, главные вопросы, задаваемые философами в течение тысячелетий: «Кто мы, откуда, куда мы идем?» — все еще остаются без ответа.

Перевел П. ЭДУАРДОВ

СВЕРХ-«Я»

Опыты с гипнозом доказывают, что память сохраняет самые незначительные фразы из всех прочитанных нами книг. И воспроизводит их только с ведома некоего загадочного механизма, сокрытого в глубинах нашего сознания. Не этот ли механизм, это сверх-«я», помогает человеку в определенных условиях выполнить за одну секунду вычисления, которые затруднили бы самую мощную машину? Не это ли сверх-«я» бунтально диктует писателям их книги? Иногда даже во сне! Не оно ли позволяет некоторым детям, даже больным и калекам, демонстрировать приводящие в замешательство успехи? Этот чудесный гений, скрытый в глубинах нашего сознания, исследует английский психолог Ян Уилсон в своей книге «Сверх-«я». Загадка, живущая во мне». Мы выбрали отрывки, в которых описаны наиболее удивительные свидетельства и факты.

рез минуту давал правильный ответ».

На вопрос, как они это делают, большинство из них отвечает, что не могут объяснить свои знания: «Я это знаю, и все». Гаусс описал, как к нему некогда пришло разрешение теоремы, которую он до этого пытался доказать в течение нескольких лет: «Молниеносно загадка была разрешена. Я не могу сказать, что за путеводная нить соединила то, что я уже знал, с тем, что сделало возможным мой успех».

«Я это знаю, и все!» Главный урок, который можно было бы извлечь из примеров этих писателей, ученых, вундеркиндов, — это важность свободы, непринужденности в движении сознания к заветной цели. Каждый пловец должен хорошо знать: лучший совет, который можно дать новичку, не умеющему плавать и очутившемуся на глубине, — не биться, не колотить руками, пытаться имитировать плавательные движения, а, напротив, расслабиться, отдаться течению, после чего, как по волшебству, тело будет держаться на воде без особых усилий.

Ян Уилсон, английский психолог

Похоже, что сверх-«я» подобно айсбергу, который куда больше его видимой части. Какова бы ни была натура, она предполагает гораздо больше возможностей, чем та личность, которую мы демонстрируем внешнему миру.

Очевидно, эта внутренняя наша сущность (еще ее называют подсознанием) бодрствует и в то время, когда мы спим. Мы являемся свидетелями того, как она играет роли столь творческие и столь ответственные, как сценарист, режиссер и актер. Эти роли обнаруживаются во время наших сновидений. Сверх-«я» на страже, когда мы с вами занимаемся сознательной деятельностью: видит, слышит и воспринимает гораздо больше, чем вообще способно воспринять наше сознание. Это подтверждает и история ирландского поэта Кристофера Нолана, единодушно удостоенного критиками литературного приза «Уитбрэд» в 1987 году. Мало кто знает, что Кристофер

М «MARILLION». Группа «Марильон» образовалась в 1979 г. в Великобритании.

Исходный состав: Фиш (настоящее имя Дерек Уильям Дик), вок.; Марк Келли, клав.; Стив Ротери, гит.; Пит Треуэйвес, бас; Джон Мартер, уд.

Первоначально группа называлась «Silmarillion», по имени персонажа одного из романов Дж. Р. Толкиена. После ряда изменений состава и появления шотландского вокалиста Фиша группа переименовалась в «М.».

Выступление «М.» в программе «Радио 1» радиостанции Би-би-си стало для группы своего рода трамплином: фундаментальный арт-рок а-ля ранний «Genesis» принес музыкантам контракт с фирмой EMI, чуть позже «М.» провели гастроль по Великобритании и удостоились серии концертов в элитарном лондонском клубе «Марки». Имея в своем активе всего один хит «Market Square Heroes», группа тем не менее получила приглашение дать два концерта в самом престижном зале Лондона «Хаммерсмит Одеон».

Вышедший в 1983 г. дебютный альб. «Сценарий для шута-плаксы» поднялся в англ. хит-параде на 7-е место; тогда же место за ударными занял Иэн Мосли, ранее работавший в таких мюзиклах, как «Волосы» и «Иисус Христос-суперзвезда», входивший в состав «Curved Air», «Darryl Way», «Wolf», «Trace» (вместе с известным голландским музыкантом Риком Ван дер Линдоном) и «Gordon Giltrap».

Поразительное сходство муз. стилистики «М.» с манерой ранних «Genesis», практически идентичные голоса Питера Габриэля и главного композитора «М.» Фиша породили множество сплетен, в том числе и такие: «М.» — не что иное, как «ширма» для испытывающих ностальгию по прошлому музыкантов «Genesis»; Фиш страдает раздвоением личности и отождествляет себя с Габриэлем.

1984 год прошел в интенсивных гастролях по Европе и США — «М.» «прокатывали» второй диск «Fugazi», который, как и первый, стал «золотым». В конце 1984 г. группа выпустила концертный альб. «Real To Reel», и специалисты отметили, что «живое» звучание «М.» несколько не уступает студийному. В июле 1985 г., выпустив пл. «Misplaced Childhood», музыканты завершили философскую трилогию, начало которой было положено двумя первыми студийными альб. Эта величественная и мрачная рок-опера, блистательно увековеченная в виниле, мгновенно получила «платину», а «М.» — титул супергруппы; две композиции с альб. «Kayleigh» и «Lavender» заняли в англ. хит-параде соответственно 2-е и 5-е места.

Четвертый студийный альб. «Clutching At Straws» вышел в 1988 г., после длительных гастролей группы в Австралии, Новой Зеландии и США — в музыкальном плане эта работа настолько буквально повторяет предыдущий диск, что ее можно было бы рассматривать как самопародию, однако поклонники «М.» решили иначе, и реализация альб. шла такими рекордными темпами, что фирма трижды «допечатывала» тираж (пл. стала пятикратно «платиновой»).

Видимо, почувствовав бремя имиджа, Фиш объявил о решении покинуть группу и начал сольную карьеру (некоторое время суд решал, кто будет носить название «М.», и в конце концов оставил это право за большинством музыкантов), а его место занял Стив Хогарт, выпускник Трентского политехнического института, ранее выступавший в таких группах, как «Harlow», «Europeans», «Last Call» и «How We Live», где он также выполнял и функции клавишника. Записанный с его участием альб. «Seasons End» принципиально не отличается от прежних работ «М.», хотя музыка стала более жесткой.

Пл.: Script For A Jester's Tear, 1983; Fugazi, 1984; Real To Reel, 1984 (mini-live LP); Misplaced Childhood, 1985; Clutching At Straws, 1988; The Thieving Magpie, 1988 (2LP — Live); Seasons End, 1989.

Изменения состава: 1983 — Мартер, + Иэн Мосли, уд.; 1988 — Фиш; 1989 + Стив Хогарт, вок.

Фиш соло: Vigil In A Wilderness Of Mirrors, 1990.

MARLEY, BOB. Боб Марли (полное имя Роберт Неста Марли). Родился 6 апреля (по паспорту — 6 февраля) 1945 г. на Ямайке, умер 11 мая 1981 г. в США. Вокалист и композитор.

В 16 лет Б. М. дебютировал с синглом «Judge Not», который написал вместе со своим наставником и ветераном поп-музыки Ямайки Джоном Хиггсом. В 1963 г. при помощи того же Хиггса Б. М. организовал вокальную группу «The Wailers» («Плакальщики»), в которую, помимо него, вошли: Питер Тощ, Банни Ливингстоун, Джуниор Брейтуэйт и Беверли Келсо. Первый же сингл группы «Simmer Down» (1964) возглавил хит-парад Ямайки и разошелся тиражом более чем 80 тыс. экземпляров. В 1965 г. «W.» сократили состав до трио и, несмотря на успех песен (например, «Rude Boy» вошла в местный Top 10), в 1966 г. распались.

Некоторое время Б. М. работал подсобным рабочим на автомобильном заводе в шт. Делавар, куда переехала его мать, но вскоре вернулся на Ямайку и воссоздал «W.». Группа работала в самых разных жанрах, от ска и калипсо до мейн-стрима и фьюжи, но за преде-

лы острова ее популярность не распространялась. В 1971 г. музыканты организовали собственную фирму грамзаписи Tuff Gong, но и это предприятие успеха не имело.

Однако в конце 1971 г. Б. М. подписал контракт с амер. поп-певцом Джонни Кэшем и создал для него два хит-сингла «Guava Jelly» и «Stir It Up». В 1972 г. «W.» наконец получили контракт с международной фирмой Island Records и выпустили альб. «Catch A Fire», ставший их первой продукцией, которая вышла за пределы Ямайки. Популярность группы росла, и во многом музыкантам помог Эрик Клэптон, который включил в свой альб. композицию «W.» «Я стрелял в шерифа», ставшую в его исполнении международным бестселлером. В 1973 г. группа предприняла гастроль по США, но вскоре Тош и Ливингстоун начали сольную карьеру.

Б. М. включил в состав своей группы женское вокальное трио, сменил название на «Bob Marley And The Wailers» и вместе со своим бывшим наставником Хиггсом отправился в турне по Африке, Европе и обеим Америкам. К середине 70-х гг. Б. М. и его группа стали признанными лидерами реггей, а в Великобритании практически все новые вещи Б. М. входили в Top 40 («No Woman No Cry», 1975; «Exodus», 1977; «Waiting In Vain», 1977; «Satisfy My Soul», 1978) и Top 10 («Jamming», 1977; «Punky Reggae Party», 1977; «Is This Love», 1978).

В США, однако, лишь композиция «Roots, Rock, Reggae» попала в хит-парад поп-песен (1976, 51-е место), а «Could You Be Loved» прошла по категории соул (1980, 56-е место), но альбомы группы неизменно занимали высокие места, а песни «любви, веры и бунта», как называли их произведения журналисты, пользовались невероятной популярностью в среде интеллектуальной элиты. На Ямайке же Б. М. стал настоящей культовой фигурой, его политические и религиозные выступления публика воспринимала как откровения святого, а в 1976 г. на Б. М. даже было совершено покушение.

Американское турне 1980 г. было отменено, когда на одном из первых концертов певец потерял сознание — как оказалось, Б. М. уже давно был болен раком мозга и легких, и, несмотря на интенсивное лечение, в мае 1981 г. он скончался.

О популярности Б. М. свидетельствует следующий факт: весной этого года на англ. рынке одновременно появились два сборника певца, и это спустя десять лет после смерти —

РРР вне очереди

«Cowboy Junkies» (так канадцы называют подразделение полиции, занимающееся борьбой с наркоманией) — очередной «семейный подряд» из Торонто. Правда, в отличие от Джексонов, Джиббов, Айли и большинства других «братьев» «Ковбой джанниз» работают не в попсе, а лицо группы — не старший из братьев, а младшая красавица сестра.

В 1985 году гитарист Майкл Тимминз, неоднократно и безуспешно пробовавший силы во всевозможных американских и английских хард-роковых группах, вернулся на родину и, уже начав было сложный процесс самобичевания, попал на репетицию группы Марго (вокал) и Питера Тимминзов (ударные), его родных брата и сестры. Оценив мрачный психоделический заряд, который несла музыка родственников, Майкл мгновенно сориентировался, «перетряс» состав, пригласил опытного бас-гитариста Алана Энтон и...

Пропустим первый альбом: как это часто бывает, он получился «сырым», но вот второй («The Trinity Session») и третий («The Caution Horses») заставили говорить о группе как о «новой надежде истинного рока».

17 COWBOY JUNKIES

Рок-Энциклопедия Ровесника

сколько здравствующих исполнителей могут рассчитывать на подобный интерес слушателей...

Пл. (как «The Wailers»): Soul Revolution, 1969 (в Великобритании переиздана в 1971 г. под названием Soul Rebel); African Herbsman, 1970; Rasta Revolution, 1970; Catch A Fire, 1973; Burnin', 1973; The Birth Of A Legend, 1977 (2LP-сборник); Early Music, 1977 (сборник с синглов 1963–1969 гг.); Soul Captives, 1981 (сборник с синглов 1963–1969 гг.).

(Как «Bob Marley And The Wailers»): Natty Dread, 1974; Live, 1975 (Live LP); Jah Live, 1975 (Live LP); Rasta Man Vibration, 1976; Exodus, 1977; Reflections, 1977 (сборник); Babylon By Bus, 1978 (2LP); Kaya, 1978; Bob Marley And The Wailers, 1979; Survival, 1979; In The Beginning, 1979 (сборник ранних вещей); Uprising, 1980; Soul Rebel, 1981 (сборник); Chances Are, 1981 (сборник); Confrontation, 1983 (сборник); Legend, 1984 (сборник); Talkin' Blues, 1991 (сборник редких вещей); All The Hits, 1991 (сборник хитов конца 60-х — середины 70-х гг.).

Изменения состава («The Wailers»): 1969 + Энтон Барретт, бас, + Карлтон Барретт, уд.; 1973 + Эрл Линдо, клав., — Томп, — Ливингстоун.

(«Bob Marley And The Wailers»): 1974 + Бернард Харви, клав., + Эл Андерсон, гит., + вок. трио «The I-Threes» (Рита Марли, Марсиа Гриффитс, Джуди Мауэтт); 1975 — Линдо, + Тайрон Дауни, клав., + Элвин Паттерсон, уд., + Джулиан Марвин, гит.; 1978 + Линдо.

«MARSHALL LAW» («Маршалл ло»), группа «Закон Маршалла» образовалась в 1986 г. в Великобритании.

Исходный состав: Энди Пайк, вок.; Энди Саутуэлл, гит.; Дэйв Мартин, гит.; Макольм Гулд, бас; Мик Донован, уд.

Музыканты начинали с исполнения классических хитов «Judas Priest» — сходство с этой группой прослеживается и по сей день. «М.л.» основное внимание уделяли концертным выступлениям — создав за два года более 30 собственных композиций, группа, как ни странно, даже не удосужилась записать хотя бы демонстрационную ленту.

В конце 1988 г. музыканты наконец подписали контракт с фирмой FM/Revolver, обязанности менеджера взял на себя Кейт Бейкер, известный своим сотрудничеством с «Magnum». Но лишь через

год, в декабре 1989 г., дебютный альб. «М.л.» появился на прилавках.

Музыка группы привлекла внимание крупных фирм, и сейчас «М.л.» подписали контракт с пластиночным гигантом Polydor. Несмотря на полную смену ритм-секции, концепция «М.л.» остается прежней — мелодичный хард-рок.

Пл.: Marshall Law, 1989.

Изменения состава: 1989 — Гулд, — Донован, + Роджер Дэвис, бас, + Ли Моррис, уд.

MASI, ALEX. Алекс Маззи. Родился 15 мая 1964 г. в Венеции, Италия. Гитарист, пианист, композитор.

Специалисты называют А. М. «итальянским Ингви Мальмстином» — виртуоз гитары в 8 лет начал осваивать фортепиано, затем окончил музыкальный лицей в Риме по отделению классической гитары. К этому времени он стал страстным поклонником таких мастеров гитары, как Ричи Блэкмор, Джимми Хейдж, Алан Холсуорт. А. М. играл в разных итальянских группах, а в составе «Dark Lord» записал два альб. Но «металлическая» сцена Италии его не устраивала, и А. М. перебрался в Лос-Анджелес, где в 1986 г. подписал контракт с фирмой Metal Blade Records и организовал группу «Masi». Дебютный альб. «Fire In The Rain» потряс даже скептически настроенных американских критиков, считавших, что они уже видели и слышали всех гитаристов-виртуозов.

Окрыленный успехом первой пл., А. М. записал диск «Downtown Dreamers», повторивший триумф дебюта. Гитарист продолжал много и плодотворно работать и написал четыре композиции к фильму ужасов «Черные розы».

Но наибольшее впечатление на критиков и слушателей произвела его следующая работа — альб. «Attack Of The Neon Shark», записанный в соавторстве с барабанщиком Фрэнки Банали (экс-«W.A.S.P.») и кумиром А. М. Аланом Холсуортом. Этим диском А. М. подтвердил свою репутацию виртуозного гитариста; кроме того, он сам исполнил все партии клавишных и бас-гитары. Вокальные партии исполнял Джефф Сото, ранее работавший с Ингви Мальмстином. Пл. получилась музыкально очень разнообразной, гитарист не замыкается в узких рамках какого-то одного стиля, временами его гитара звучит в манере Роберта Фриппа периода 1972 — 1978 гг., а жемчужиной альб. можно с полным основанием считать его переработку композиции «Toccata», которую в 70-е гг. написал Кит Эмерсон.

Пл.: Fire In The Rain, 1987; Downtown Dreamers, 1988; Black Roses, 1988 (EP); Attack Of The Neon Shark, 1989; Vertical Invader, 1990.

«MASTERS OF REALITY» («Мастерз оф ризлти»), группа «Хозяева действительности» образовалась в 1981 г. в США.

Крис Госс, вок., гит.; Тим Харрингтон, гит.; Гудж, бас; Винни Людовико, уд.

Эта группа представляет собой редкий пример удачной реализации идей прошлого средствами современного рока. Одержимые музыкой Джими Хендрикса, «Cream», «Doors» и ранних «ZZ Top», музыканты «М.о.р.» пять лет колесили по Америке, выступая с собственным репертуаром, словно составленным из неизвестных вещей их кумиров. В 1986 г. группу услышал Рик Рубин, владелец фирмы грамзаписи Def American Records, известный тем, что «вывел в люди» таких сейчас всемирно известных исполнителей, как «Slayer», «Public Enemy», Run DMC, и предложил музыкантам контракт на запись альб.

Диск вышел в январе 1989 г. — музыкальная концепция «М.о.р.» так понравилась слушателям, что пл. распродавалась с рекордной скоростью и практически сразу же была переиздана в Европе, где стиль группы назвали «регрессивным роком».

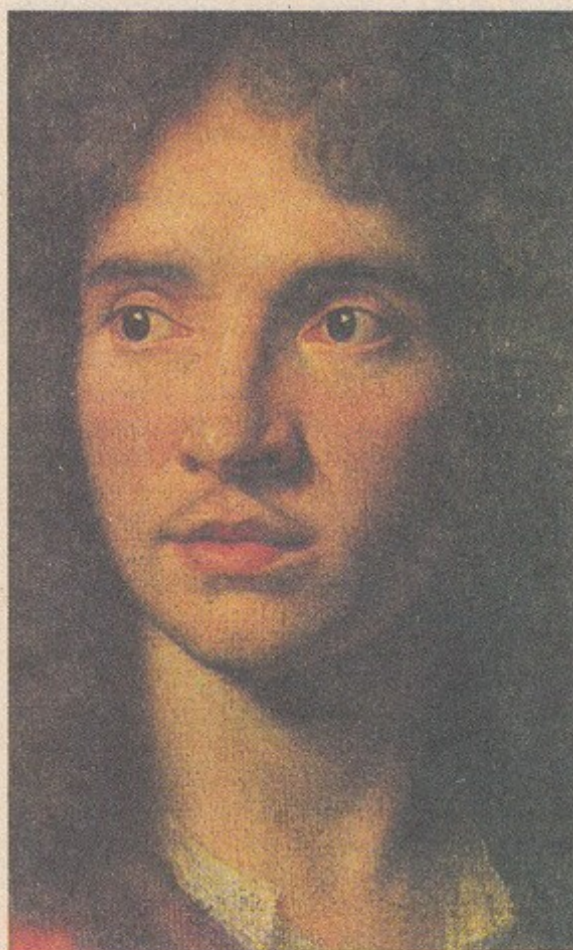
Однако в 1990 г. после длительных гастролей по США и Великобритании среди музыкантов возник конфликт, и «М.о.р.» распались на две группы. Госс и Гудж сохранили право на оригинальное название и, пригласив двух новых музыкантов, приступили к записи второго альб. В процессе работы выяснилось, что барабанщик не соответствует требованиям лидера «М.о.р.», и вместо него в группу пришел Джинджер Бейкер, легендарный барабанщик из легендарных «Cream». Судя по сообщениям из студии, новая группа будет представлять собой «осовремененный вариант «Cream»; часть вокальных партий на новой пл. исполняет Дж. Бейкер.

Харрингтон и Людовико организовали группу «The Boogeymen» и также работают в студии.

Пл.: Masters Of Reality, 1989 (часть тиража вышла под названием The Blue Garden).

Изменения состава: 1990 — Харрингтон, — Людовико, + Дэниэл Рей, гит., + Джон Лими, уд.; 1991 — Лими, + Джинджер Бейкер, уд., вок.

Биография Шедевров

ПОД ЗНАКОМ КОЗЕРОГА

Жан ДЮТУР,
французский писатель

«Школа жен», «Жерж Данден», «Смешные жеманницы», «Ученые женщины», «Дон Жуан», «Тартюф», «Скупой», «Мещанин во дворянстве», «Мнимый больной»... А ведь на местах сражений все было далеко не так победно. Неприятель защищался, контратаковал, наносил раны. И числа того неприятеля было не счесть, ибо Мольер сражался на нескольких фронтах. И неприятель тот был могуществен, ибо Мольер бросался в наступление на прекрасно защищенные крепости. Он рубил под корень то, что главенствовало, что царило, наводя ужас, что нельзя было, казалось, даже обсуждать или ставить под сомнение.

Странное дело — своим союзником Мольер имел человека, которого можно было меньше всего ожидать увидеть рядом со свободным и смелым вольнодумцем: самого короля, Короля-Солнце, Людовика XIV, живое воплощение власти, государственности, общественной иерархии. Впрочем, мы забываем, что Людовику XIV полагалось быть прежде всего великим политиком. Когда в 1658 году Мольер появился на парижской сцене, кардиналу Мазарини оставалось жить всего два года. Королю было двадцать лет; он помнил беспорядки Фронды, которыми была отмечена его юность. Общество, в котором уже началось брожение анархии, необходимо было разрушить: порядок прежде всего. Мольер тоже, по-своему, разрушал его. Эти соображения, безусловно, сыграли свою роль в том внимании, которое оказывал Мольеру Людовик. Мольер был отважным воплощением главной добродетели классицизма: здравомыслия. Современная же монархия, в понимании короля, должна была стать некой картезианской революцией; необходимо было начисто смести хаотичный, вычурный феодальный мир с его безумствами и воздвигнуть РАЗУМНОЕ политическое сооружение. Как кстати оказалось то, что в этом марше все идут в ногу: политика, искусство, нравы. Итак, против нравов своего века Мольер бросил кавалерию Здравого Смысла. И пал на поле брани.

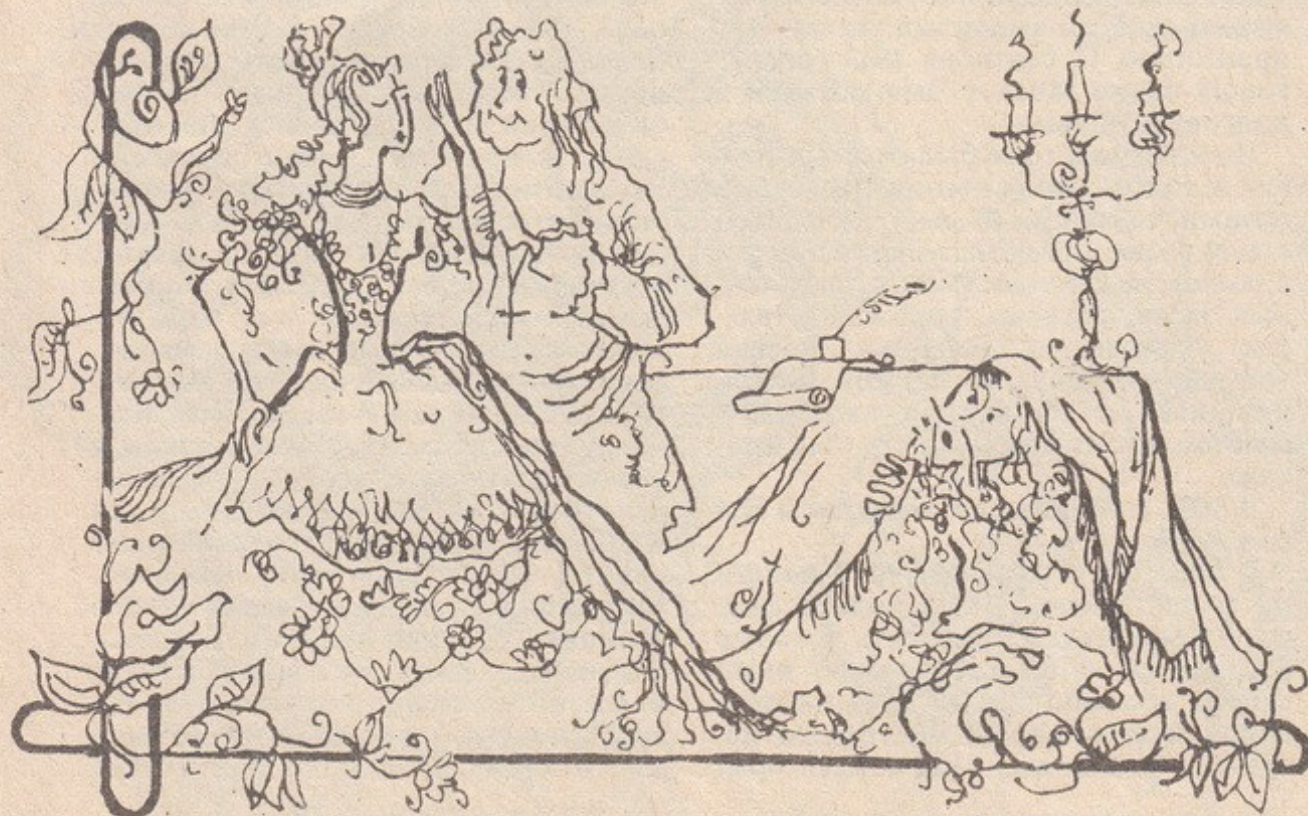
Родился Мольер 14 января 1622 года под знаком Козерога. В его жизни отчетливо видны отдельные характерные черты Козерога, начиная с упорства, вкуса к работе в сочетании с беспечностью в использовании результа-

Жизнь великого писателя — жизнь всегда героическая. Героизм требуется для того, чтобы остановить свой выбор на литературе, ибо она не гарантирует хлеба насущного. Героизм нужен, чтобы заниматься литературой всерьез, то есть решиться принести свой покой в жертву истине.

Жизнь Мольера была героической. Он не бросался бездумно по неверному следу, не выискивал ложных чудовищ — безвредных настолько, что плохая драматургия сотнями безболезненно умерщвляла их под рукоплескания галерки. Как все настоящие герои, Мольер обладал чутьем охотничьего пса и отыскивал истинных чудовищ своего века, тех, которые, подобно всем по-настоящему отвратительным тварям, были притворно-мягки и обходительны, и почтенно-солидны.

В сражениях былых времен на первом плане всегда картинность, блестящие мундиры, знамена, парады. Требуется усилие, чтобы представить, что они были столь же смертоносны и разрушительны, как и сегодняшние битвы. Время, пройдя по ним, стерло с них кровь и ужасы. В энциклопедиях остались лишь названия побед. Та же иллюзия с Мольером. По прошествии трех столетий названия его пьес звучат так же звонко, как Рокруа¹ или Аустерлиц². Вслушайтесь — «Мизантроп»,

тов своего труда. Он никогда не заболел о том, чтобы его пьесы печатали. Он их писал, и в этом было первое его счастье; он ставил их на сцене, и это было для него вторым счастьем; а остальное не доставляло ему удовольствия. Известно, например, как был напечатан его «Мнимый рогоносец». Некий почитатель этой комедии, посмотрев пьесу несколько раз, обнаружил, что выучил ее наизусть. Он записал текст по памяти и издал пьесу. Мольер воспринял это совершенно спокойно.

От Козерога была у Мольера склонность к грусти, как говорили тогда, к ипохондрии, прерываемой взрывами хорошего настроения после беседы с друзьями: верными Буало, Шапелем, Миньяром⁴. Слово «верный» входит в арсенал Козерога; у родившегося под этим знаком друзей немного, но эти друзья — на всю жизнь. Они никогда не разочаруются в нем, так же, как и он — в них. Такими были для Мольера путешественник Бернье, философ Ла Мот Лё Вайе и очаровательная м-ль Де Бри.

Как и подобает Козерогу, Мольер делил свое время на две части: одна из них заполнена шумом и светом — в театре, вторая — уединенный труд в своем доме в Отёйе. В то время Отёй был деревней или, по крайней мере, далеким пригородом. Однако не надо путать Мольера с Гарпагоном⁵. Мольер любил роскошь, вельможу жил на широкую ногу, был обладателем пышного жилища, обставленного прекрасной мебелью, имел драгоценности, держал лакея, кухарку и экономку и проедал свои тридцать тысяч годовых. Эта смесь серьезности и мотовства, нравственной возвышенности и вкуса к роскоши, смелости и богатства

была двойственностью Дон Кихота и Санчо.

В ранней юности он совершил геройский поступок, отказавшись стать преемником своего отца, г-на Поклена, драпировщика короля. Чтобы дети не хотели пойти по стопам родителей — такое случается в наши дни довольно часто и обходится без драм. В XVII веке дело обстояло иначе. В то время династии строились на крепком фундаменте, семейства возвышались постепенно, от поколения к поколению. Быть королевским драпировщиком — значило нечто большее, чем быть простым ремесленником.

Поставщик двора Его Величества был почти что чиновником и мог рассчитывать когда-нибудь попасть в ряды буржуазии.

Впрочем, то, что человек отказался быть, как папочка, королевским драпировщиком, еще можно было бы простить, если б это было сделано с целью избрать какое-нибудь почетное или уважаемое ремесло, чтобы благодаря ему пробиться на ту ступеньку, которая ведет к дворянству. Увы! Юный Жан Батист Поклен не питал амбиций подобного рода. Он хотел заниматься театром. В 1642 году подобные мысли в голове молодого человека — это же стыд для всего семейства! Бродячие актеры не были тогда столь пошлы, как сегодня, они довольно неплохо зарабатывали на жизнь, но репутация! Репутация у них была ужасная. Поклен-отец добился все-таки, чтобы его лодырь-сын немного поработал драпировщиком, а потом занялся правом. Но ничего нельзя было поделаться с призванием юного Жана Батиста, ни с героизмом, на которое это призвание его толкало. Он освобождает своего сына от занятий драпировочным ремеслом и выдает ему шестьсот тридцать ливров, полагающихся ему из материнского наследства. С братьями Бежар и их сестрой Мадленой, семейством забавным, сумасбродным, богемным, и своими шестьюстами тридцатью ливрами Жан Батист основывает свой «Знаменитый театр». Это произошло 12 сентября 1643 года. А годом позже Мольер был посажен в долговую тюрьму.

Но и тюрьма тоже была частью тяжелых и долгих годов учения. Мольер со своими товарищами выступал перед самой разнообразной публикой, играл в замках, на крытом гумне, в праздничных залах, ратушах, городских театрах, страдал от ненастья, познал триумфы и провалы, дружбу, исполнившиеся и обманутые надежды — словом, жизнь как она есть, без прикрас.

В 1658 году Мольер вернулся в Париж.

В 1658 году комедии во Франции не существовало. Были только фарсы, «табаринады»⁶, смотреть которые изысканное общество считало ниже своего достоинства, да и были они, впрочем, весьма грубыми и примитивными. Мольер сам себя считал рож-

денным для трагедии. 24 октября 1658 года «Знаменитый театр» впервые выступил перед королем в Лувре. Сыгранному «Никомеду»⁷ аплодировали только из вежливости. Но Мольеру пришла в голову гениальная идея — на свой страх и риск закончить вечер одной из тех маленьких остроумных вещей, которые на «ура» принимались в провинции, — «Влюбленным доктором». Полный триумф. Двор, все придворные которого были молоды и остроумны, был очарован. Король уступил Мольеру половину театра «Пти-Бурбон».

Впрочем, Мольер по-прежнему как будто не замечал, что всякий раз, когда он ставит фарс или остроумный пустячок, в которых изображает живые характеры, зритель, осуждая карикатурные образы, возносит автора до небес. Он по-прежнему ставил трагедии до тех пор, пока не оказался вместе со своей труппой на грани банкротства. Только тогда он наконец понял, что именно надо играть. Двадцатый век узнал себя в образе Чарли Чаплина, в котелке, с маленькими усиками, с тросточкой. Так же узнал себя век семнадцатый, и так же умилился себе, видя «окладистую черную бороду» и «брыжи» Сганареля, раззолоченные камзолы г-на Журдена, простодушие добряка Хризала и ночной колпак Аргана.

Успех бывает разный: один можно не заметить, другой — не простят никогда. Успех Мольера принадлежит ко второй категории, ибо был продолжительным и неизменно все более громким, потому что он был плодом таланта и труда, и, наконец, потому, что Мольер был добрым человеком с твердым характером.

К естественным врагам Мольера, то есть к литераторам и драматургам, примкнули более опасные противники: священнослужители. В «Школе жен» было несколько выпадов против духовенства, которое тут же подняло шум. Хором начали подпевать маркизы, осмеянные в «Смешных жеманницах». Только покровительство короля помогло Мольеру избежать неприятностей. Маркизам Мольер ответил «Критикой «Школы жен» и «Версальским экспромтом», разыгранным в Версале перед целым партером маркизов, которые только принужденно смеялись. Один из них, Ла Фейад, встретив Мольера в кулуарах, под видом объятий разодрал ему лицо алмазными пуговицами своего камзола, крича при этом: «Молодчина, Мольер, ай да молодчина!» В своем «Дон Жуане» он сводит счеты с дворянством и мимоходом — с безверием, характерным для этого дворянства. Дон Жуан изображен хищником, и очень забавно видеть, как сегодня наши левые интеллектуалы рассматривают этого уродливого, карикатурного персонажа, нарисованного с безжалостным мастерством подлинного писателя-революционера, как воплощение образа романтического героя, восставшего на

Бога и общество. Мольеровский Дон Жуан на самом деле — его прямая противоположность. Пьесу можно было бы озаглавить «Комедия об искателе выгод».

Разница между Мольером и его врагами в том же, в чем она всегда между людьми гениальными и посредственными: гениальный человек нападает на сами принципы, а не на личности, даже если он заимствует у кого-нибудь ту или иную черту своего персонажа; ординарные люди нападают на личности. Мольеру постоянно наносили раны отравленным оружием, то и дело находились охотники копаться в его частной жизни, в ней искали предлоги и возможности заставить его страдать.

Его пытались упрятать в тюрьму за оскорбление нравственности. Когда в августе 1667 года наконец появился «Тартюф», председатель Парижского парламента арестовал книгу, архиепископ Парижский угрожал отлучением всякому, кто ее прочтет, а кюре из прихода Сен-Бартельми, некий Рулес, издал брошюру, в заключении которой говорилось, что автора «Школы жен» надо «сжечь живьем». Как минимум. На этот раз Мольер был глубоко задет и многие месяцы не выходил на сцену. Лишь в 1669 году король, по-прежнему относящийся к Мольеру с благосклонностью, дал разрешение на постановку «Тартюфа».

Всем известна кончина Мольера: в день четвертого представления «Мнимого больного» его свело судорогой, когда он был на сцене. Он скрыл это долгим искусным смехом — свидетельство высочайшего актерского мастерства. Его отвезли домой. Он умер ночью, в присутствии двух сестер милосердия. Так как он был отлучен от церкви, архиепископ отказался дать разрешение на погребение. Он проповедовал с амвона: «Потомство узнает, каков был конец этого поэта-комедианта, который, играя своего «Мнимого больного», был сражен последним приступом болезни и умер несколько часов спустя, отпуская театральные шуточки, среди которых испустил дух, перед судом Того, кто говорит: «Горе вам, смеющиеся, ибо восплачете!» Эта жестокая анафема красноречиво свидетельствует о свободе разума, царившей в ту эпоху. Так говорить о Мольере — означало косвенно осуждать короля, который во Франции осуществлял не только светскую власть, но, кроме того, благодаря своей галликанской политике и своей независимости по отношению к Риму был государем духовенства.

Король выступил в его защиту. Тело было перевезено ночью на кладбище. За гробом шли три человека с факелом: Буало, Шапель и художник Миньяр. На погребении присутство-

вало восемьсот человек, которые пришли, несмотря на запреты епископа, несмотря на мрак ночи, несмотря на зимнюю стужу. Это произошло 21 февраля 1673 года. Г-н Буавэн, священник в церкви Св. Евстахия, записал в своем дневнике: «Господин архиепископ приказал, чтобы Мольер был погребен без всяких почестей, более того, он запретил священнослужителям служить по нему службу. Однако многие заказывали мессу по усопшему».

Здравый смысл был той постоянной величиной, которая присутствовала во всех творениях Мольера. Этот человек беспорядочной жизни и неумеренных чувств создал своим творчеством свой мир, обусловленный и размеренный разумом, в котором все явления жизни рассматриваются с позиции простых жизненных радостей. Мольера ужасает все то, что абсурдно, что изначально идет по неправильному пути, что нарушает гармонию мира.

Французы признают в Мольере нечто, глубоко созвучное их душе. Они находят в нем главные черты, присущие их родной земле. Мольер — это составная часть французского пейзажа, как лес Фонтенбло, Домская возвышенность, бретонская равнина, площадь Вогезов, замок Шамбор. Когда его читаешь, когда смотришь его пьесы, чувствуешь себя на родине, у себя дома. Это, возможно, объясняет, почему его творчество на протяжении веков выдерживало испытание временем, почему его пьесы пережили эпоху Просвещения, Революцию, Империю, романтизм, натурализм, сюрреализм, две мировых войны. Из всех французских писателей

только у Мольера есть свой храм — театр «Комеди-Франсез», в котором каждый день служат ему мессу.

Перевел с французского
Н. ВЫШИНСКИЙ

1. Окружной центр департамента Франции Арденны. Здесь в 1643 году принц Конде разбил наголову испанскую пехоту. — Здесь и далее прим. перев.

2. По-чешски Славков — город в ЧСФР (Моравия), под которым Наполеон 2 декабря 1805 года разбил австрийцев и русских. Битва трех императоров (Франции, Австрии и России) положила конец третьей коалиции.

3. Картезианство — направление в философии и естествознании XVII — XVIII веков, теоретическим источником которого были идеи Р. Декарта. Последовательный дуализм, то есть разделение мира на две самостоятельные и независимые субстанции — протяженную и мыслящую.

4. Миньяр, Никола, по прозвищу Миньяр Авиньонский, французский художник, родился в Труа (1606-1688). Работал в Авиньоне. Людовик XIV заказал ему свой портрет.

5. Герой пьесы Мольера «Скупой».

6. По имени известного исполнителя фарсов, шуточек Антуана Жирара Табарэна (1584-1633).

7. Трагедия П. Корнеля.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

КУРС ВЫЖИВАНИЯ ДЛЯ БОМЖЕЙ. Власти крупнейших городов США и Западной Европы небезучастны к судьбам бездомных, число которых все растет — для них строится или восстанавливается дешевое жилье, создаются специальные рабочие места, центры лечения от наркомании и алкоголизма. Но специалисты указывают еще на одну серьезную проблему: многие из тех, кто по разным причинам оказался на улице, просто не умеют жить «по-человечески». Причин этому тоже предостаточно, но какими бы они ни были, людей надо пытаться научить быть людьми.

И в некоторых городах США были созданы специальные реабилитационные центры, в которых опытные психотерапевты прежде всего стараются возродить у пациентов утраченное чувство собственного достоинства. Дорого? Оказывается, это куда дешевле, чем гонять бездомных с места на место или делать вид, что их не существует.

АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛИСТ САЙМОН ХОГГАРТ поставил перед собой, как оказалось, невыполнимую задачу: найти в сегодняшней Америке диск-жокея, который бы: а) «крутил» по радио приятную для Хоггарта музыку; б) остроумно ее комментировал; в) с уважением относился к слушателям. Хоггарт проехал всю страну — и выяснил, что сегодняшние диск-жокеи: а) музыку почти что не передают, а вместо этого непрерывно жалуются на притеснения цензуры; б) всячески оскорбляют тех, кто им звонит. И Хоггарт приходит к выводу: собственный стресс переживается слушателем легче, если знаешь, что кому-то еще хуже. Мысль для западного журналиста новая, для нас же не удивительная. Вспомните, как хорошо жилось, когда нам с утра до вечера твердили о том, что на Западе стр-р-рашно!

«СЪЕМОЧНАЯ ГРУППА ФИЛЬМА «ГОРЕЦ II» БЛАГОДАРИТ АРГЕНТИНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА ГИПЕРИНФЛЯЦИЮ» — такие слова хотел бы начертать в титрах, если б мог, режиссер фильма Рассел Малкэхи. Фильм — продолжение ставшего весьма популярным «Горца» с Кристофером Лэмбертом и Шоном Коннери в главных ролях — начал сниматься в Аргентине, когда за доллар давали четыре аустраля. К концу съемок доллар стоил уже 8 тысяч аустралей, что позволило значительно сэкономить запланированные затраты (декорации то были сделаны еще по старым ценам!).

Деньги же были отпущены немалые, потому что создателям фильма надо было построить абсолютно новый мир образца 2024 года.

КНИЖНЫЙ РЫНОК.

Американское издательство «Суон пабликейшн» выбросило на рынок новый вид романтических любовных историй. Автор Эвелин Браун создала три типовых романа, в которые клиент может вписать свое имя и имя своего возлюбленного (возлюбленной), особые приметы (цвет волос, фигура), любимые песни, цветы, дату первой встречи и т.п. Компьютер вводит в готовый текст необходимые характеристики — и готова книга именно о вашей, а не чужой любви. Потому что все счастливые семьи, как известно из классики, похожи.

Услуга стоит 200 долларов, и уже продано две тысячи экземпляров таких личных романов.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

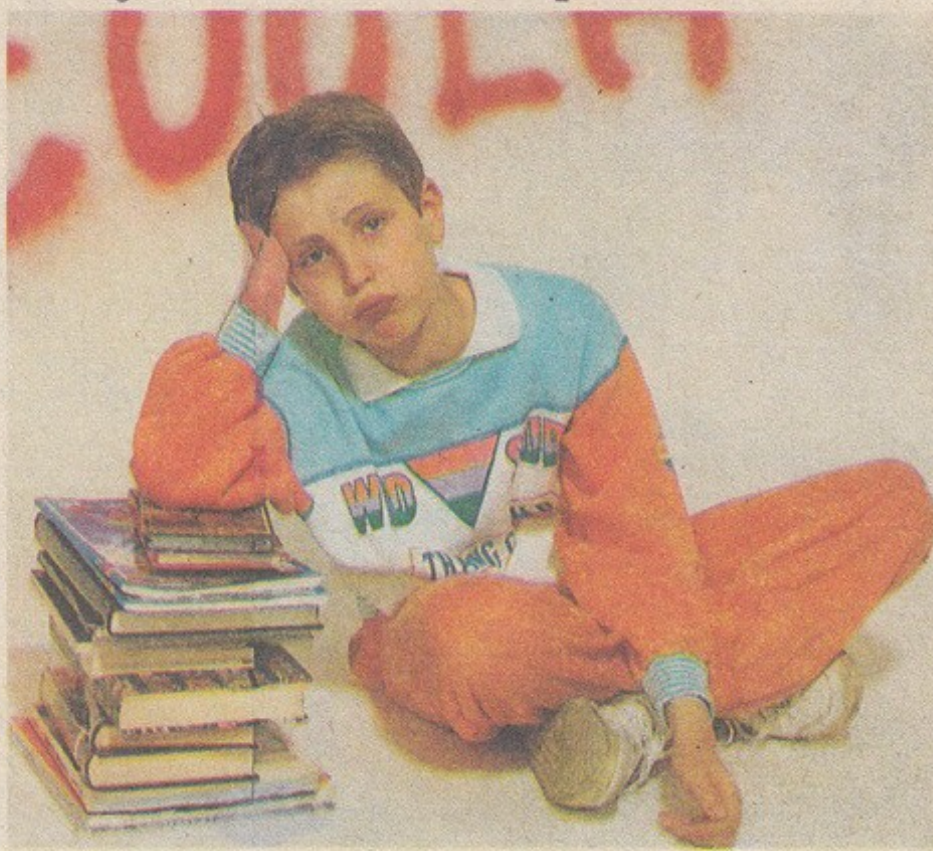
... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

ПРОВЕРИМ СЕБЯ? Исследователи из Калифорнийского университета решили выяснить, какими ласковыми словами называют друг друга американские влюбленные. Вот эти слова по порядку занятых ими мест: 1) милый (милая); 2) детка; 3) родной (родная); 4) дорогой (дорогая); 5) любимый (любимая); 6) солнышко мое; далее следуют всякие смешные и очень индивидуальные прозвища, а на последнем месте — уменьшительные от имен.

Может, проверим себя? Достаточно ли часто мы говорим близким ласковые слова и какие именно? А если не говорим — так непоздно начать прямо сейчас. Сегодня.

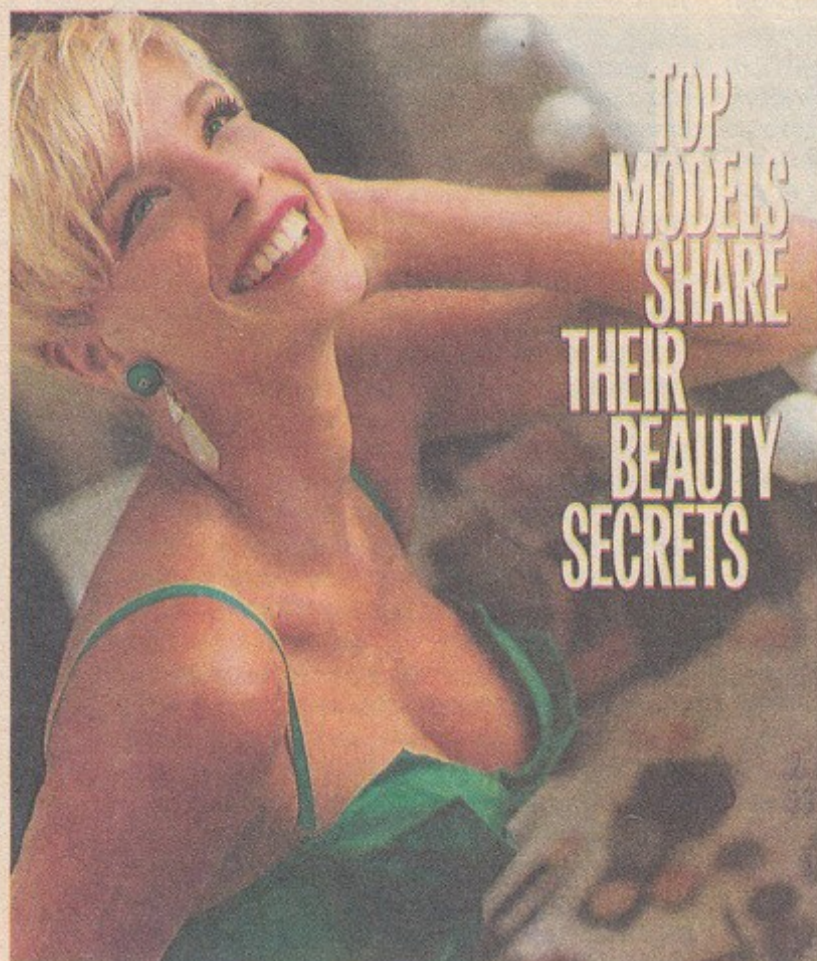
ЭТА КНИГА МГНОВЕННО СТАЛА СЕНСАЦИЕЙ — американский писатель Роберт Л. Фулгам написал книгу «Все самое важное в жизни я узнал в детском саду» о вещах самых привычных. Просто чуть-чуть по-другому на них взглянул. «Если бы все политики помнили правила, которым нас обучили в детском саду — играй честно; что взял, клади на место; намусорил — убери за собой; не бери чужого; извинись, если кого-то обидел, — жизнь наша была бы куда лучше».

Теперь с ней может познакомиться и советский читатель — журнал «Иностранная литература» проявил завидную оперативность и опубликовал ее в № 10 за прошлый год.

МАДОННА ПО МОНДИНО. Перед вами, дорогие читатели, редчайшая фотография: творчество этого человека вам очень хорошо знакомо, однако видите вы его впервые. Жан-Батист Мондино — автор видеоклипов знаменитейших рок-музыкантов, которые демонстрируются и по нашему ТВ.

Мондино — человек капризный и никогда не снимает одних и тех же исполнителей дважды. Исключение он сделал лишь для Мадонны: «Она не боится быть «плохой девчонкой», и это мне нравится. Я сделал много рекламных роликов, однако реклама призвана льстить общественному вкусу. И только музыка может дразнить и изменять его. А в музыкантах, с которыми я работаю — Стинг, Дэвид Боуи, Бой Джордж, Принц, — меня привлекает и их талант быть стильными. Стиль — вот что составляет суть сегодняшней поп-сцены».

НАСТУПИЛО ЛЕТО, и ведущие манекенщицы мира делятся с вами своими секретами — как при минимуме средств сохранять максимум природной красоты, которая есть, уверяем вас, в каждой из женщин. Рецепт для блондинок: чтобы волосы «выгорали» равномерно, смочить их смесью лимонного сока и водки (в равных частях). После пребывания на солнце (которое вообще-то в этом году не рекомендовано) появляются морщинки — на них следует наносить масляный раствор витамина Е. Если же кожа краснеет и шелушится, можно протереть мякотью алоэ.

А путешествия и тяжелые чемоданы — отличный способ похудеть! Оказывается, некоторые из знаменитых манекенщиц даже носят в своих сумках дополнительные тяжести.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

МНЕ И ОДНОМУ НЕПЛОХО!

В прошлую субботу у меня выдался чудесный вечер. Мы с друзьями вышли погулять и, наконец, забрались в прокуранный джаз-клуб, где хорошо поужинали, смеялись как ненормальные и как следует напились кофе. Всем было хорошо, а я еще и познакомился с одной стильной девочкой — она сидела за соседним столиком; мы договорились с ней пойти на каток. Когда я возвращался домой со счастливым лицом и телефонным номером в кармане, приятель Майкл спросил: «Как ты собираешься завершить выходные?» Да очень просто! Весь следующий день я провел дома, я читал, слушал тишину, просто ничего не делал.

Теперь вы поняли? У меня есть этот бзик. Я один из тех пресловутых одиночек, которых хлебом не корми — дай только побыть наедине с собой. Впрочем, я люблю и веселье. Охотно встречаюсь с друзьями (а их у меня много), с симпатичными девочками. Но особенно классно я чувствую себя, когда гуляю, как та кошка, сам по себе и думаю о чем-нибудь своем или просто наблюдаю за фикусом. Годами меня попрекали этой привычкой к одиночеству, но ведь я ее выбрал сам! И мне нравится мой остров. Так что приглашаю сочувствующих и просто любопытных посетить мой мир — мир счастливого одиночки.

Многие говорят, что в детстве и юности тоже любили одиночество, но непременно находились «знатоки» с советами о том, как излечиться от этого «противоестественного» состояния. Кто же эти знатоки? Да в первую очередь наши любимые мамы!

Обычно дело происходит так. Вы сидите у себя в комнате, блаженно счастливы, и вдруг дверь с шумом открывается и появляется она, глядящая на вас с таким испугом, как если бы вы умирали от бубонной чумы. Мама говорит что-то вроде:

ПИТЕР ДЖЕРСТЕНЗАНГ,
американский журналист

«Сегодня прекрасный день, все твои друзья играют на улице. А ты такой бледный. Почему бы и тебе не выйти?» Это звучит уже как приказ в форме просьбы, и в конце концов выйти приходится. Потом кто-нибудь из ребят получает битой по башке, а кто-то сердито твердит, что так — нечестно, а ты, несчастный, думаешь лишь о том, как бы вернуться в любимую комнату, где было так хорошо...

Вниманию счастливых одиночек: подобные «мамы» встретятся вам в жизни еще много раз. Обычно — под маской друга. Или подруги. Относитесь к их советам избирательно. Конечно, если ты — юная дева, а подруга пообещала найти тебе симпатичного парня или порекомендовала не класть так много косметики на лицо — призадуматься стоит. Но вот если друзья начнут приставать по поводу слишком долгого сидения за книгой или перед телевизором — не торопитесь перedelываться. Вы ведь и так достаточно общаетесь с людьми — чего же еще?..

Так кто же они такие, эти самые одиночки? Может, просто буки, бяки?

Начнем с такого гиганта, как Авраам Линкольн. Да, он горазд был выступать перед массами и делал это блестяще, но именно уединение оставалось его заветной мечтой. Сохранилось множество изображений, на которых он запечатлен сидящим одиноко, и вы можете углядеть на лице его чуть заметную улыбку удовлетворения. Эйб, этот великий человек, великий американец, был одиночкой — к сведению всех сомневающихся!..

Что же касается писателей, то они — одиночки по определению. Кому охота создавать яркие запоминающиеся образы под навязчивый аккомпанемент поп-музыки или приятельской болтовни?

Не забудем и спортсменов. Конечно,

Необязательные

они выступают перед десятками тысяч зрителей, но, как никто, любят уединиться после удачного состязания. Легкая миниатюрная гимнастка, с трепетом ожидающая решения судей, — и она не прочь побыть наедине с собой. А бегуны? Нью-Йоркский марафон можно считать неким орденом счастливых-одиночек: двадцать пять тысяч человек целый год тренируются поодиночке, а потом бегут двадцать шесть миль, не обмолвясь ни словечком с рыскающим рядом товарищем.

Так что впредь, когда будете смеяться над «чужаками»-одиночками, вспомните некоторых из этих блестящих представителей рода человеческого.

Теперь, быть может, кто-нибудь скажет: «Я женат, но идея одиночества мне близка. Возможно ли быть счастливым семьянином и одновременно одиночкой?» Однозначный ответ: ДА!!

Многие супружеские пары достигают желанного одиночества, хотя живут всю жизнь под одной крышей. Я знаю супругов, которые встречаются только за обедом, чтобы мило и дружелюбно обменяться новостями и поделиться последними успехами. Хозяйством они занимаются порознь, а после ужина часами читают или смотрят телевизор в разных комнатах. Разве не приятно иметь поблизости человека, разделяющего твои чувства и настроения, но понимающего, когда тебе не хочется слишком много общаться? Так каждый имеет и общение, и желанное одиночество, и никто не в обиде — лишь бы оба любили и уважали друг друга.

НЕБОЛЬШОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Что же можно посоветовать смущенному начинающему одиночке? Прежде всего не стоит заранее пытаться регламентировать свое поведение. Ведь одиночка всегда сам себе хозяин! И все же позволю себе немножко поруководить вами на первых порах.

Давайте-ка начнем с выходных (потому что искать одиночества по будням опасно — вдруг вашему боссу не хватает чувства юмора?).

Вам, должно быть, захочется встать попозже, хотя встречаются и одиночки-«жаворонки». Завтрак — на вашей совести. Хотите — ешьте, хотите — нет, хотите — читайте за едой, хотите — слушайте радио. Потом подайтесь на улицу, сходите в магазин, в музей, в библиотеку, где вас окружают люди, но люди чужие, с которыми не требуется общаться. Особенно рекомендую зоопарк, где вы увидите нелюдимого яка и других представителей животного мира, вполне довольных собой и компании не ищущих.

Ну а если вы упрямый домосед, замечательных вариантов не меньше. Слишком много читали в последнее время? Загляните в телепрограмму. Или переберите старые альбомы, вспомните молодые годы. Если вы аккуратист, не лишним будет пропылесосить ковер, полить кактусы, выверить финансовые дела, разобрать книжную полку... Если вы неряха, можете потренироваться в художестве, рисуя пальцем портреты на запыленном комоде. Обедайте в три или... в девять! В

любое время, в зависимости от настроения! Когда говорите по телефону, стройте перед зеркалом рожицы. Потом можно запускать мыльные пузыри, попробовать писать роман. Обдумайте способ спасения лесов от обводнения, а человечества — от мировой войны. И не чувствуйте комплекса вины! Если в конце дня у вас понизится давление и повысится настроение, значит, вы — «тот» человек, и я с удовольствием поздравляю вас с удачным началом.

ОДНАКО НЕ БУДЬТЕ КАК МИССИС ПЛОТКИН!

Когда-то я жил по соседству с некой миссис Плоткин, богачкой и нелюдимкой. Она в о о б щ е не выходила из дома. Бакалейную лавку вели за нее служащие, лужайка была тщательно убрана и выстрижена садовником. К телефону миссис Плоткин не подходила. Говорили, что она целыми днями просиживает в кресле за вышивкой, томиком Уитмена или попросту смотрит телевизор. Однажды я встретил ее на рассвете. Миссис Плоткин, в блеклом цветастом платье, подобрала лежавшую на дорожке газету, огляделась вокруг и снова юркнула в свою нору.

Похоже, что эта леди с одиночеством перебрала!

Как проверить, не чересчур ли много времени вы проводите одни? Если вы однажды выглянете наружу и увидите ослепительное солнце, а последний раз выходили, чтобы расчистить дорожку от снега, — значит, надо все же почаще вылезать на улицу.

Мне нравится сознавать, что каждая жизненная ситуация включает в себе полезный урок на будущее. Будьте счастливы в своем одиночестве. Оно помогает ценить друзей — часто, побыв некоторое время наедине с собою (неважно, сколь приятно вам это было), вы, как это было со мной, радуетесь идущему рядом человеку. Даже если одиночество стало вашим образом жизни, после хорошей встречи или разговора вы вдруг вспомните, что и кроме вас на свете есть прекрасные, замечательные люди. В этом большом и шумном мире ощущение одиночества неизбежно. Но, к сведению не-одиночек: научившись этому искусству, мы приобретаем особую силу. Побыв наедине с собою, мы успеваем подготовиться к решению сложных задач, которые ставит сама жизнь. Людям шумным, стремящимся в компании друзей удрать от себя, часто бывает трудно находить верные решения. И не считайте одиночек «страусами», прячущимися от проблем, — я бы уподобил такому «страусу» людей слишком общительных. Это они пытаются неумолчным общением заглушить тревогу и беспокойство. А в результате — серия самых дурацких поступков.

Одиночка же, как следует побеседовав с собой, прекрасно знает, как разрешить очередную загадку бытия.

Впрочем, я никому своего образа жизни не навязываю. Только прошу, даже умоляю: избавьтесь от предрассудков по отношению к одиночкам.

Перевел с английского П. ПАШИН

НИЧЕГО НЕ СТОИТ БРОСИТЬ КУРИТЬ

Андреас Мёллер,
немецкий журналист

Мы неразлучны уже давно. Этакий привычный союз со своими взлетами и падениями: то мне хочется бросить ее, то я схожу без нее с ума. Просто какая-то болезнь! Можно сказать, что эта маленькая стройненькая штучка буквально затуманила, задымила мне голову.

Дело в том, что вот уже десять лет я — курильщик. Один из многих миллионов в Германии. Каждый день по пачке сигарет с фильтром, они всегда со мной, всегда под рукой. У нас в редакции по этому поводу шутят: его «одна, но пламенная страсть». Впервые я обнаружил свою болезненную привязанность, играя в преферанс. За столом не курили, и через каждый час я как бы невзначай поглядывал на часы. А потом она стала напоминать о себе, когда я быстро поднимался по лестнице. У моей такой невинной беленькой возлюбленной свои трюки: я начинаю задыхаться.

Страшные истории о вреде курения рассказывают не только медики, они на устах у всех: курение

увеличивает риск заболевания раком, сердечными и желудочными недугами, а уж сосуды курильщиков...

Я твердо решил бросить это дело. Как и 83 процента моих собратьев по несчастью, курильщиков. Но как избавиться от сигареты? Оказывается, существует не менее десятка способов. Их придумали врачи, психологи и шарлатаны разного рода. Между прочим, очень неслабый бизнес: в год за желание бросить курить страдалцы платят 157,6 миллиона марок. Таким образом, я был не прав, сказав, что ничего не стоит бросить курить.

Первая попытка обошлась мне не очень дорого, всего в 12 марок. Это была аудиокассета «Курс лечения гипнозом дона Альфредо от курения, стресса и ожирения, способствующий укреплению нервной системы и повышению умственной деятельности». И вот я лежу на полу своей комнаты, а из стереокассетника звучит монотонный бас: «Скон-

центрирую свое внимание только на моем голосе и на какой-нибудь точке на уровне чуть выше глаз». Голос дон Альфредо звучит настойчиво, проникновенно, таинственно. При этом в моей голове кружится музыка: «Ит'с изи ту би фри!» («Как легко быть свободным!»)

Как бы не так! Лежа на полу, я краем глаза смотрю на книжный шкаф. Ведь там наверху, совсем близко лежит она, моя пачечка сигарет! А дон Альфредо между тем продолжает внушать: «Вы больше ни о чем не думаете... Вы совершенно спокойны, спокойны и расслаблены... А теперь закройте глаза... Ваши веки тяжелеют... Расслабьтесь... Расслабьтесь...» Через 15 минут кассета заканчивается, а я устремляюсь к книжному шкафу и вознаграждаю себя за усилия и терпение сигаретой, в надежде, что она станет последней в моей жизни.

Спустя 10 дней, пройдя через 8 сеансов гипноза, я продолжаю вдыхать в себя дым далекого прекрасного мира...

Идея насчет второй попытки приземляется на письменный стол нашей редакционной секретарши в виде специальных пластмассовых мундштучков, которые насаживаются на сигареты и служат дополнительным фильтром. Называется эта прелесть «МД-4» и производится в Швейцарии.

«Вроде бы должно быть неплохо», — подумал я. Итак, мундштук на сигарету, и берем зажигалку. Я затягиваюсь раз, другой. Впечатление такое, что я вдыхаю теплый воздух из моего фена для сушки волос. Только с феном это было бы дешевле. В последующие дни я выкуриваю немыслимое количество сигарет. И все из-за этих мундштуков: моему организму явно не хватает того, что они отбирают, — никотина! И потом это так обременительно! Как какой-нибудь курильщик трубок, я должен регулярно прочищать мундштуки, выковыривая осадок смолы.

«Через два месяца вы на сигареты и смотреть не захотите», — расхваливала «МД-4» какая-то газета. Я уложился в срок и закончил курс ровно через два месяца. Безрезультатно.

Следующая попытка бросить курить выглядела так: устрашающе длинные белесые сигареты со вкусом яблок (альтернатива курению, приносящему невосполнимый ущерб здоровью). Эти сигареты не надо зажигать, надо просто затягиваться. Привкус яблок настолько силен, что я вынужден вспомнить

про яблочный шампунь, пользоваться которым имела обыкновенная моя бывшая подруга.

Ученые во всем обвиняют мозговой центр, управляющий болезненными пристрастиями человека. Я, например, прочитал: тот, кто курит меньше, затягивается сильнее и вдыхает дым интенсивнее. Тот же, кто переходит на курение более легкого сорта, нередко увеличивает количество выкуриваемых сигарет. Какой-то чертовски замкнутый круг! «Организм требует, и это уже болезненная привязанность, одного и того же количества никотина», — пишет в своих трудах профессор Мюнстерского университета Опитц. Теперь мне все стало ясно: я должен как-то перехитрить этот самый мозговой центр.

При моем следующем визите к врачу я прошу выписать мне содержащую никотин жевательную резинку под названием «Никоретт», 96 штук, по 2 мг никотина в каждой жвачке. Все удовольствие 42 марки. При жевании через слизистую оболочку рта в организм поступает весьма ограниченное количество никотина. В прилагающейся к жвачке инструкции я читаю: «В отличие от курения в организм не поступают такие вредные вещества, как окись углерода и конденсат смолы». Потом из той же инструкции я узнал о побочных явлениях и мне стало дурно: раздражение полости рта, икота, нарушение пищеварительного процесса, слабость, головные боли.

Очень медленно и осторожно, как и предписано, я начинаю жевать. Во рту жжет, а вкус такой, как будто я жую золу. Пробую еще пару жвачек. Кошмар! Да ну их к дьяволу! В мусорную корзину их! Ну-ка, где мои настоящие сигареты?

Когда я по каким-то своим журналистским делам оказался в Мюнхенском институте психологии имени Макса Планка, я разговаривал с одним наркологом. Профессор Бренгельманн оказался, как и я, курильщиком, товарищем по несчастью, одним словом. «Вы сами как-то должны поменять ваше отношение к курению, все остальные рекомендуемые средства, несомненно, могут поддержать вас в этом, и только», — говорит он и лишает меня последних иллюзий. Итак, решающий фактор — человеческая психика. «Если вы предложите курильщику таблетку из обыкновенного сахара и убедите его, что это поможет, он поверит этому». При подобных экспериментах 16 процентов курильщиков оставляли свою «пламенную

страсть», как минимум, на год.

«Чисто психологический эффект», — объясняет профессор Бренгельманн. Ну вот, теперь, когда у меня есть объяснение этому самообману, он, разумеется, не может помочь мне.

Последняя надежда приводит меня к врачу, лечащему иглоукалыванием. Перед дверью, полный решимости, я выбрасываю почти полную пачку сигарет.

Я подробно объясняю доктору историю моего курения и все такое прочее. «Все будет в порядке», — заверяет милая докторша и подбадривающе улыбается мне. В скромно обставленном кабинете (шкаф, два стула, горный пейзаж на стене) я укладываюсь на кушетку. Через полуоткрытое окно с улицы доносится щебет птиц. «Абсолютно спокойная атмосфера — основная предпосылка для успешного лечения». Затем она берет 16 иглол и вкалывает мне их. Ощущение такое, что через меня пропускают слабый ток, я закрываю глаза, мне хорошо и спокойно. При прощании докторша говорит мне: «Вы можете продолжать курить, но немного — пять-шесть сигарет в день». Я отсчитываю 60 марок и удаляюсь.

На следующий день — второй сеанс. Сегодня иглолки причиняют мне боль. Я слышу успокоительное: «Все вполне нормально, это болят вчерашние уколы». Вечером я пытаюсь выкурить сигарету, но после нескольких затяжек бросаю ее. Мне плохо. Чудо свершилось!

При третьем посещении врача я почти уверен, что бросил курить. «Ну вот, видите! Что я вам говорила?» — радостно воскликнула докторша.

Проходит неделя, я захожу в небольшой магазинчик за покупками. «Что это ты так нервничаешь?» — спрашивает меня подруга. А я-то вновь чувствую это дьявольское желание покурить! С каждой секундой это желание нарастает, и я выпрашиваю у продавщицы сигарету и глубоко, с удовольствием затягиваюсь. Я проклинаю себя вслух. «Да что вы так расстраиваетесь? — успокаивает меня продавщица. — Я сама после полугодового перерыва только что опять закурила, потому что вдруг страшно начала поправляться». А я себе думаю: «Да уж лучше лишние пять килограммов, чем эта проклятая чума!» Так думаю я и прошу у продавщицы еще одну сигарету...

Слаб человек... Может быть, лучше не начинать?

оды учения позади. Мне двадцать три. Жизнь только начинается. В кармане диплом и назначение в городок Ла Рупеллина, что на берегу Атлантики. Лицей, где мне предстоит работать, — один из известнейших на побережье. Какими окажутся ученики? Не освистали бы...

Ехать поездом целых четыре часа. Чтобы отвлечься, я взялся за детектив — последний роман Карикаля и Маз... И проглотил его залпом. Люблю такие книги! Мрачная обстановка, анонимные письма, похищения. Сложнейшие дела, преступления, продуманные до мельчайших деталей. Что и говорить, Карикаль и Маз — лучше всех. Нелегко, должно быть, столько лет писать вдвоем.

Ну вот и приехали. Сегодня вечером устроюсь в гостинице, а завтра отправлюсь к директору лицея и поищу жилье.

Директор оказался на редкость симпатичным, хорошо меня принял, рассказал о лицее, о городе и расспросил о моей жизни и учебе.

Беседа наша подходила к концу.

— Ну что ж, мой дорогой, надеюсь, вы у нас привыкнете. Не падайте духом и... не попадайтесь на удочку.

— Что вы имеете в виду?

— Да ничего особенного. Необычный у нас городок, и новичку многое может показаться непонятным.

И подал руку, прощаясь. А мне что-то стало не по себе. Слова директора так и крутятся в голове, мне даже показалось, будто в них скрывается какая-то угроза.

Но вскоре все это позабылось. Город и вправду чудесный. Отличные рестораны, кино, книжные магазины — и море...

Прошло около месяца. Я просто счастлив. Отлично поладил с учениками. С коллегами-преподавателями близко пока не общался, но все еще впереди.

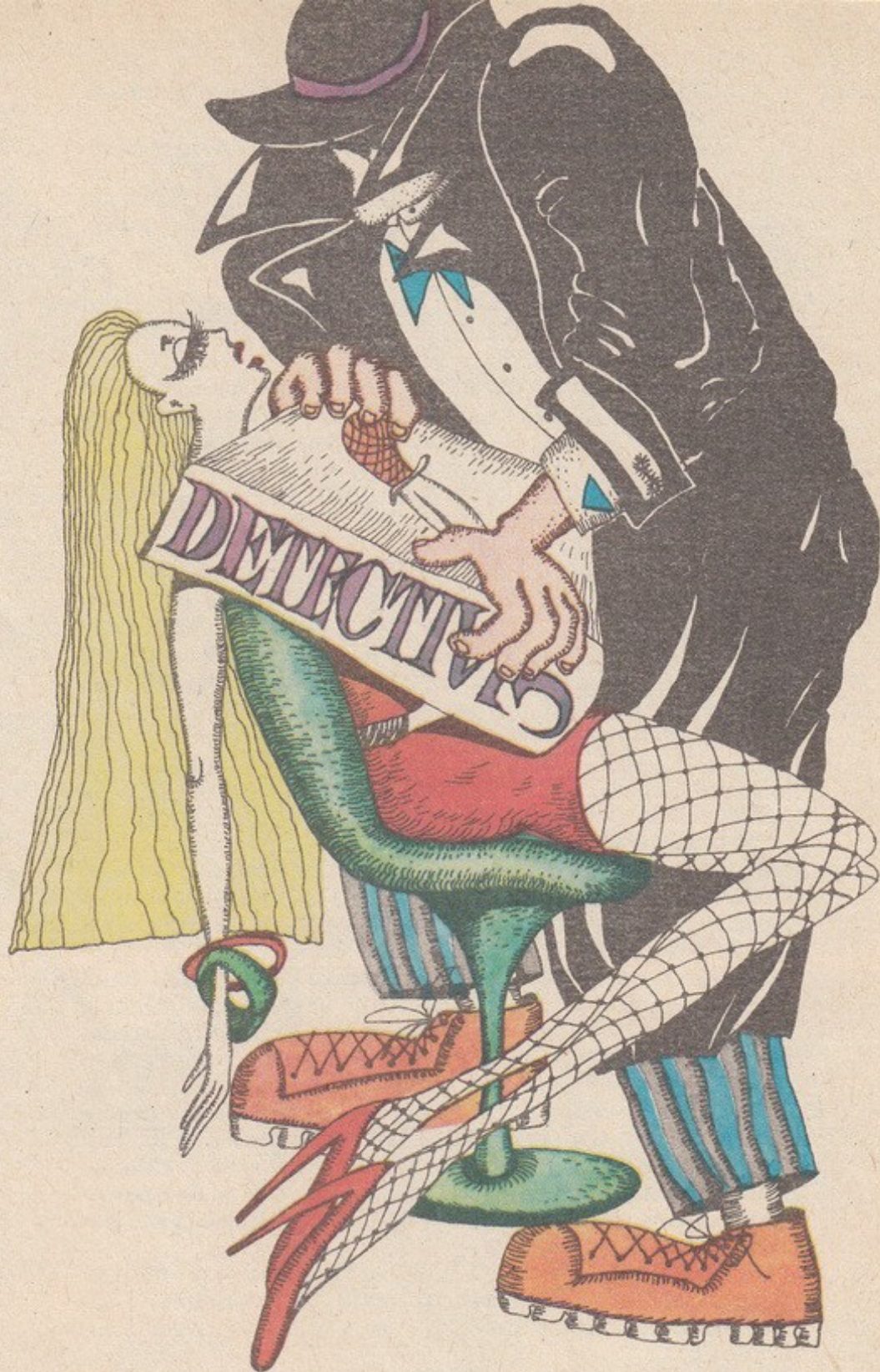
Обычно после утренних занятий, около полудня, я спокойно просматриваю ученические работы, а потом иду в бистро напротив съесть омлет.

В тот четверг, проходя по пустым школьным коридорам, я вдруг услышал из-за одной из дверей чей-то громкий, отрывистый голос. В этот час в лицее никого не бывает. Я удивился. Видимо, тот, кто был за дверью, думает, что он здесь один, и даже не помышляет о том, что его могут услышать.

Я уже шагнул было к выходу, но донесшиеся из-за той двери слова так и пригвоздили меня к месту.

— Да, но теперь я думаю, уже довольно. Надо убить ее, и побыстрее.

Я замер. Что он, с ума сошел? Что тут происходит? Тихонько я вернулся назад. И тут понял, что в той комнате говорили по телефону. Я прислушался — и был просто поражен.

Дороте ГАРДИЕН,
французская писательница

УБИЙЦА ЗВОНИТ В ЛИЦЕЙ

Рассказ

— Если б только я раньше решил убить ее, мы бы избежали всех этих осложнений.

...

— В конце концов, это ты во всем виноват.

...

— А сейчас уже нет другого выхода. Уберу ее немедленно. Ничего не поделаешь.

...

— Ладно. Главное, как? Задушить или отравить?

...

— Да. Столкнуть под поезд тоже неплохо, но опасно. И потом, не знаю, получится ли у меня...

...

— Нет, это не пойдет. У нас еще будет время подумать. Потом решим, как поступить с телом. Сначала надо убить. На цыпочках я вышел из лицея. Хозяин бистро бросил

на меня удивленный взгляд.

— Непрожаренный омлет, господин Боном? И четверть красного?

— Большое спасибо, — рассеянно отвечал я.

Поедая омлет, я не отрывал взгляда от входа в лицей. Хозяин подсел за мой столик поболтать. Мне духу не хватило сказать, чтобы он оставил меня в покое.

Из лицея все это время никто не выходил. Я уже начал думать, а не стал ли я жертвой галлюцинации? Хозяин принес две коньячные рюмки.

— За процветание этого города!

И, как всегда, громко расхохотался.

— Да. Город мне очень нравится.

— Красивый город. Я-то родился здесь, можете себе представить? Но внешнее спокойствие еще ничего не значит. Тут иногда такое происходит!

Директор лицея в день моего приезда сказал то же самое. На что все они намекают?

— Ла Рупеллина производит впечатление тихого местечка.

— Не верьте, не верьте, господин Боном. Вы совсем недавно сюда приехали, еще увидите... А в лицее все в порядке?

— Да, все спокойно.

Глаза хозяина быстро насмешливо заблестели.

— А что, вас это удивляет?

— Да нет, что вы.

Наблюдает за мной трактирщик, ждет, что начну его спрашивать. Не дожидется. Как раз в этот момент дверь лицея открылась, и оттуда, надевая шляпу, вышел человек.

— Надо же, — стараясь сохранить непринужденный тон, заметил я, — один из моих коллег. Редко кто в этот час бывает в лицее.

Хозяин быстро оглянулся.

— А, это господин Мишле. Разве вы его не знаете?

— Лично не знаком, знаю только, что он преподает историю.

Господин Мишле был высоким и худым, и лет ему было около пятидесяти. Он шел медленно и выглядел довольно безобидно. Обычный человек.

И тем не менее это мог быть только он. Никого другого в лицее не осталось. Неожиданно мне в голову пришла мысль последить за ним, я быстро расплатился и вышел. Для меня не секрет, как лучше вести слежку: надо просто идти впереди. Это же написано во всех детективных романах!

Я решил пойти по противоположной стороне улицы. Притворился, будто гуляю и глазею на витрины. Однако на самом деле ни на секунду не выпускал из виду свой объект и иногда даже позволял ему обгонять себя.

Но все же, несмотря на всю мою бдительность, одна важная деталь чуть было от меня не ускользнула. Пока я делал вид, что занят разглядыванием витрины, Мишле поравнялся с какой-то девушкой. Я заметил только, что они чем-то обменялись. Не знаю, сумею ли ее опознать. Такая невысокая брюнетка в красном пальто. Но хуже всего, что Мишле все-таки углядел меня. Однако продолжал свой путь, а я незаметно снова пошел следом. Он оказался проворнее, и, не успев я понять, в чем дело, как он неожиданно скрылся из виду на перекрестке. В общем, я его потерял.

Не могу думать ни о чем другом. Надо бы с кем-нибудь обсудить все это. А может быть, сообщить в полицию? Сказать директору? Но что именно? Ведь у меня нет никаких доказательств.

К вечеру я решил позвонить другу Франсуа. Кажется, мы знакомы всю жизнь. И как только у одного из нас появляются серьезные неприятности, другой тотчас же спешит на выручку. Франсуа тоже преподает. Он работает в Страсбурге, на другом конце Франции.

Рассказываю ему все, как есть. Он мгновенно понимает, насколько все это для меня важно.

— Есть только один путь, — говорит Франсуа. — Начинай за ним шпионить, собирай сведения. Постарайся узнать, есть ли у него женщина, ну, может, любовница. Надо действовать быстро. А завтра вечером снова позвони, ладно?

— Твои советы для меня — приказ. И все-таки как ты думаешь, что конкретно я должен делать?

— Искать! Нет, найти!

И повесил трубку.

Я искал весь вечер и даже ночью. В конце следующего дня позвонил Франсуа.

— Какие успехи?

— Узнал его адрес и вечером следил за ним.

— Тебя могли заметить. Ведь в вашей глуши в такое время, наверно, на улицах ни души?

— Точно. Но мне наплевать. Около десяти он вышел, я пошел за ним. Он заходил в дрянное кабаре в старом городе.

— Вот черт! Он что, за юбками бегает?

— Нет, сел за столик один и мрачно уставился на бутылку шампанского. Там такое место, где бывает и шпана, и нормальная публика.

— Классический вариант. Он тебя видел?

— Увидел сразу же. Из всех посетителей только он и я пришли поодиночке.

— Ну и что?

— Ну, он просидел там до двух ночи, курил и пил шампанское. А потом вдруг поднялся и пошел домой.

— А дальше?

— Я тоже пошел к себе, а сегодня с семи утра снова стал следить. Он напрямик отправился к «фараонам», в центральный комиссариат. И час там пробыл. А потом пошел в лицей.

— Обязательно поговори завтра с директором.

— Я так и решил.

— Держи меня в курсе. Если появится опасность, уходи в сторону.

Следующий день выдался удачным. Я успешно провел занятия. Ученики, казалось, были счастливы. Как обычно, я остался поработать в учительской. Но в тот момент, когда уже собирался выходить, я услышал все тот же голос и застыл на месте.

— Все-таки я решил по-своему. Придушил ее, гадину.

— Ну да, ну да, можно было и так. Но мне не хотелось, чтобы она напрасно страдала. Надоест-то надоела, но ведь это еще не причина...

— Честно говоря, всегда не очень-то приятно убивать женщину. Знаешь, теперь твой черед, придется тебе избавляться от труп. Классическим каким-нибудь приемом.

— Мне все равно. Свою часть я выполнил честно. Решили пришить ее — я и пришил.

Я был потрясен. Стоя в коридоре, я весь дрожал. И в эту самую минуту заметил направлявшегося в мою сторону директора.

— Что с вами, господин Боном, что-нибудь не в порядке?

— Даже не знаю, господин директор, то есть в конце концов я...

И больше ничего вымолвить не смог. Он пригласил меня в свой кабинет, и там я наконец все рассказал. Директор выслушал, не перебивая, и в конце мягко нанес удар:

— Простите великодушно, мне следовало вас предупредить заранее. Истина, которую вы искали, на самом деле довольно проста: наш коллега Мишле — не кто иной, как Маэ.

— Не понимаю...

— Как, вам не известны имена Карикаля и Маэ?

— Конечно же, известны, как, впрочем, и всем.

— Так вот, Маэ — это господин Мишле. Романы, которые он сочиняет со своим партнером, имеют огромный успех, и все же наш коллега не оставил профессию преподавателя. А так как Карикаль живет не здесь, они разрабатывают сюжеты по телефону.

— Значит, убитая женщина — персонаж будущего романа Карикаля и Маэ?

— Похоже на то. Как-то не верится, что господин Мишле способен на самом деле убить женщину.

— А как же тогда полиция? Ведь утром я видел его в комиссариате.

— Он ходит туда знакомиться с полицейскими методами. А ночные похождения — способ проникнуть в различные жизненные ситуации, понаблюдать за людьми, которые впоследствии займут место в его книгах.

Вечером я все это рассказал Франсуа. Тот после минутного молчания разразился взрывом хохота. Вначале я было обиделся, но потом и сам засмеялся. И так, нахохотавшись, мы одновременно повесили трубки.

Потом я снова пошел в кабачок, где два дня назад видел Мишле.

— Не позволите ли угостить вас шампанским и подсесть к вашему столику, господин Маэ?

— Конечно, — улыбнулся тот. — Присаживайтесь. Так-то будет лучше, чем позавчера.

— А что вы подумали, когда заметили, что я слежу за вами?

— Подумал, что вам надо бы читать поменьше детективных романов.

Перевела с французского С. ХАЧАТУРОВА

В последние полтора года очень популярный (судя по письмам читателей) «Видео-клуб» полностью вытеснил публиковавшиеся на

последней странице обложки песни. И читатели возмутились — просят песни вернуть. Чтобы удовлетворить и любителей кино, и любителей музыки, мы отводим половину этой страницы песням, точнее, текстам песен самых популярных у вас групп — ноты, опять же, судя по письмам, не обязательны. Умеющий играть сыграет, а неумеющий — ноты не подмога.

ENJOY THE SILENCE

Words like violence
Break the silence
Come crashing in
Into my little world
Painful to me
Pierce right
through me
Can't you understand
Oh my little girl

All I ever wanted
All I ever needed
Is here in my arms
Words are very unnecessary
They can only do harm

Vows are spoken
To be broken
Feelings are trivial
Pleasures remain
So does the pain
Words are meaningless
And forgettable

Enjoy the silence

Видео клуб

БЕЗУМНЫЙ МЕЛ

Заголовок этот следовало бы поставить в кавычки — потому что так названы почти все опубликованные на Западе статьи об австралийском киноактере Меле Гибсоне. А озаглавлены они так, потому что — как вы уже и сами наверняка догадались — всемирную славу актеру принесла роль полицейского по прозвищу Безумный Макс в фантастическом сериале («Безумный Макс», 1979 год, «Воин дальних дорог», 1982 год и «Безумный Макс вне Купола Грома», 1985 год).

Актерская судьба Гибсона сложилась необыкновенно удачно: начать с того, что он вообще не собирался быть актером. Проекты были самые разные: то ли журналистом стать, то ли летчиком, то ли на ферме работать... Может, одному из них и суждено было бы осуществиться, если бы не сестра — она послала прошение о приеме Мела в Австралийский Национальный институт драматического искусства. Его вызвали на прослушивание — и приняли. «А я не сопротивлялся: я подумал, что актерам, наверное, тоже хорошо платят». В 1977 году он дебютировал в легковесном «пляжном» фильме «Летний город», потом работал в Государственной театральной компании Южной Австралии, и вот наконец получил главную роль в «Безумном Максе».

Следующим персонажем стал умственно отсталый молодой рабочий в фильме «Тим» — образ более чем далекий от характера героя-полицейского. Однако именно эта роль принесла Гибсону премию Австралийского института кино за лучшую актерскую работу.

В начале восьмидесятых Гибсон возвращается в Америку. (Это не ошибка: Мел Гибсон родился в 1956 году в пригороде Нью-Йорка, и семья переехала в Австралию, когда ему — шестому из одиннадцати детей — исполнилось двенадцать лет.) В 1983-м выходит на экраны «Год опасной жизни», в главных ролях Мел Гибсон и Сигурни Уивер, и фильм следует за фильмом — «Река», «Щедрость», «Миссис Соффел». Потом — «Безумный Макс вне Купола Грома», затем — две части «Смертельного оружия». Похоже, Гибсону уже суждена была роль «вечного полицейского», пусть в «Смертельном оружии» главный герой и отличался по характеру от знаменитого Макса.

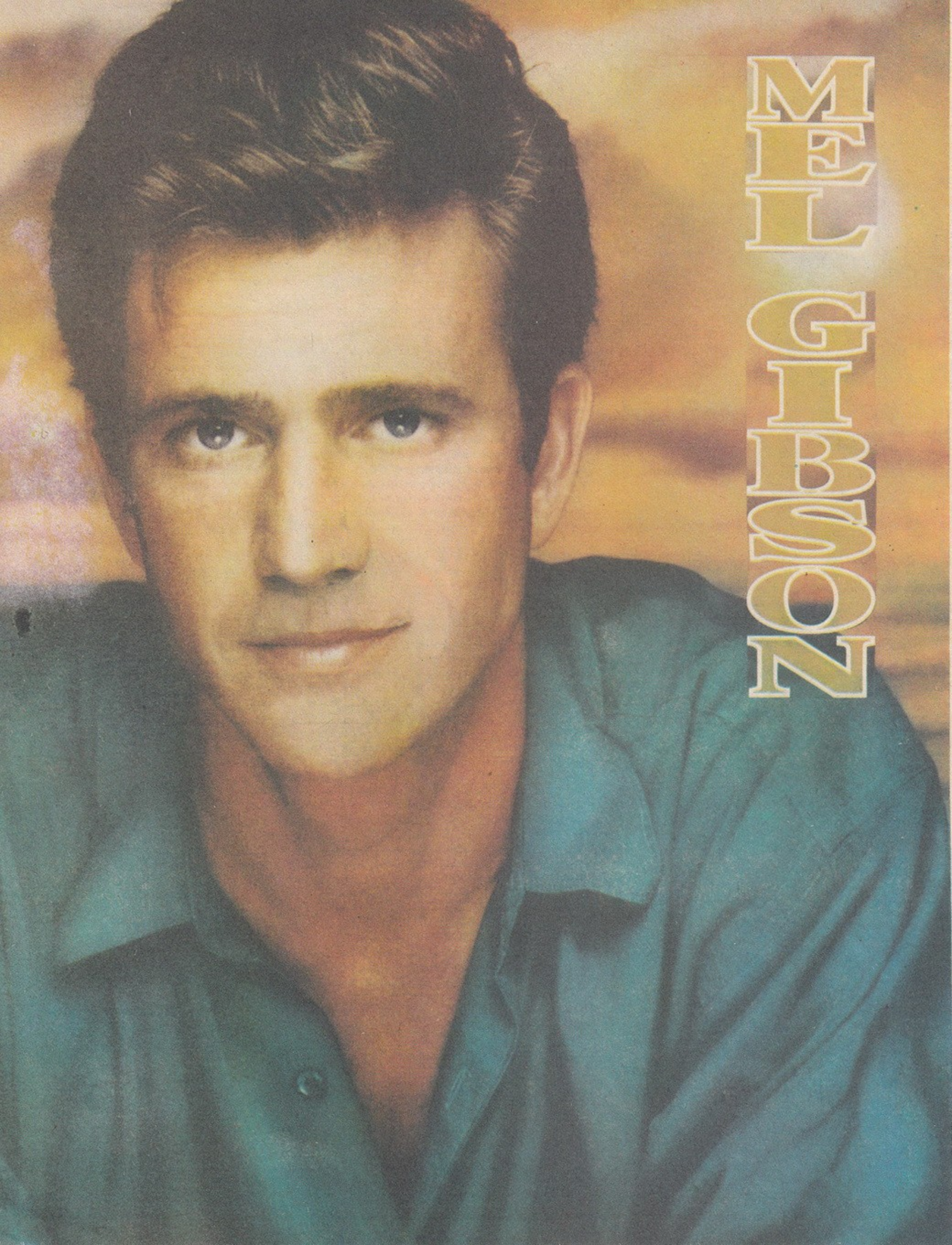
Перелом наступил, когда сценарист Роберт Таун прислал Гибсону сценарий фильма «Текила Санрайз». Этому сценарию долго не везло — Таун, «старейшина» цеха, автор таких знаменитых фильмов, как «Последняя деталь», «Чайнатаун» (за него он получил «Оскара»), — давно уже хотел сделать фильм о торговце наркотиками, в котором этот самый торговец представал бы не как отродье, а как живой человек из плоти и крови, со всеми отрицательными чертами, но и с положительными тоже. Дело застопорилось — кинокомпания «Уорнер Бразерз» никак не могла найти исполнителя главной роли. Многие актеры отказывались — не хотели подрывать свой «положительный» имидж. Но Гибсон, к этому времени уже настоящая звезда, согласился: «Эта была очень интересная работа. А какой я есть на самом деле — все знают. Знают, что я живу все эти годы с одной и той же женой, что у нас пятеро детей, что перерывы между съемками провожу у себя на ферме. Ну, баловался когда-то пивком, сейчас и пиво пить перестал. Так что мне бояться было нечего».

Это был большой успех, после которого пришло предложение просто невероятное: Франко Дзефирелли пригласил Мела Гибсона на роль Гамлета.

Критики взвыли: неужто только безумие роднит Макса и принца Датского? Однако те же критики отмечают: хоть Дзефирелли и считается всего лишь «добросовестным иллюстратором», в выборе актеров он пока что не ошибался.

«Роль Гамлета — все равно что роль Христа. Она может навеки погубить актера. Либо надо после нее переставать сниматься, либо сразу же кинуться в какую-то незначительную работу, чтобы о тебе помнили не как о Гамлете, а как о просто актере», — сказал Гибсон. И снялся — в «Эйр Америка». О чем читайте в этом выпуске «Видео клуба»...

М. ПИРУС

MEET
ZACH
GAMON

MIAMI BLUES

МАЙАМИ-БЛЮЗ

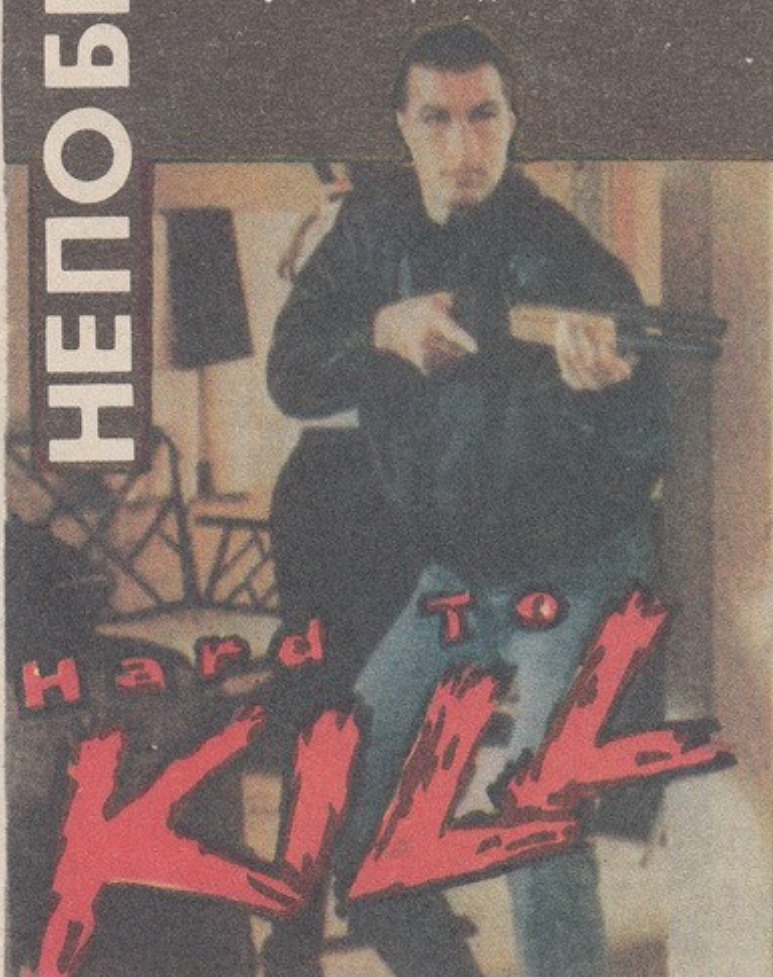
США. 1990 г. 1 ч. 37 мин. Реж. Джордж Армидж. В ролях: Фред Уорд (Хоук Моузели), Элен Болдуин (Джуниор), Дженнифер Джейсон Лей (Сьюзан Уэггонер), Джейсон Нейпир.

Критики в один голос называют эту комедию «противоядием» против «Майами вайс» — «Полицейских из Майами» (см. «Ровесник» № 8 за 1990 г.), сериала, в котором двое красивых полицейских в костюмчиках от лучших портных красиво расправляются с некрасивыми преступниками. В этом же фильме все «кан в жизни»: и полицейские влипают во всякие истории, и преступник — тоже не из удачливых, и преступление какое-то бестолковое... Дело в том, что преступник по имени Джуниор случайно сломал в аэропорту Майами палец... кришнаиту. А кришнаит от болевого шока умер. Полицейские расследуют дело, преступник встречает хорошую девушку, которая жаждет наставить его на путь истинный, масса путаницы и т.п.

НЕПОБЕДИМЫЙ

США. 1990 г. 1 ч. 35 мин. Реж. Брюс Мальмут. В ролях: Стивен Сигал (Мейсон Сторм), Келли Ле Брок (Энди) и др.

Лос-анджелесский детектив Мейсон Сторм отслеживает преступников, убивших его жену и, как он предполагал, сына. Естественно, все кончается хорошо — преступники обезврежены, детектив находит сына и новую настоящую любовь. Исполнитель главной роли Стивен Сигал начинал как сценарист, но, обратив внимание на его успехи в боевом искусстве айкидо, друзья посоветовали Стивену сниматься самому — и не прогадали.

AIR AMERICA

«ЭЙР АМЕРИКА»

США. 1990 г. 1 ч. 52 мин. Реж. Роджер Споттисвуд. В ролях: Мел Гибсон (Джин Райен), Роберт Дауни-младший (Билли Ковингтон), Нэнси Тревис, Кен Дженнингс и др.

Действие фильма происходит в 1969 году, во время войны во Вьетнаме. Билл Ковингтон работает на авиалинии «Эйр Америка», которая на самом деле она является тайной линией ЦРУ. По ней в соседний с Вьетнамом Лаос переправляются наркотики и оружие. Коллега Билла, старший по возрасту и опыту пилот Джин Райен, параллельно обделывает свои собственные делишки, но Билл убеждает его предать гласности действия ЦРУ...

ДЕТСКАЯ ИГРА II

США. 1990 г. 1 ч. 25 мин. Реж. Джон Лейфа. В ролях: Эленс Винсент (Энди Барклай), Дженни Эйгаттер (Джоанна Симпсон), Джеррит Грэхем (Фил Симпсон), Кристина Илайз (Кайл), Грейс Забриски.

В куклу Чани забирается злой дух, который ведет себя, как и положено злему духу (то есть кровяща — рекой). Юный герой Энди Барклай — а его приемные родители становятся первыми жертвами куклы-убийцы — выходит на бой со злом. В этом сражении ему помогает девочка Кайл...

Совершенно непонятно, почему прокатчики поставили марку «Детям до 15 лет смотреть не разрешается», — потому что и у людей постарше кровь в жилах стынет. И вообще в этом выпуске «Видеоклуба» как-то многовато «ужастиков». Но что поделаешь — мы всего лишь информируем о новинках видеопроката...

CHILD'S PLAY II

Индекс 70781
Цена 50 коп.

ЭКЗОРЦИСТ III

EXORCIST III

США. 1990 г. 1 ч. 49 мин. Реж. Уильям Питер Блэтти. В ролях: Джордж С. Скотт (Киндерман), Джейсон Миллер (Дэмиен Каррас), Эд Флэндерс, Скотт Уилсон, Никол Уильямсон, Брэд Дуриф.

Полицейский Киндерман расследует серию ритуальных убийств. Расследование приводит его в больницу для душевнобольных, где вот уже 17 лет (то есть с момента выхода на экран первого «Экзорциста») содержится священник Дэмиен Каррас, в которого в конце первого фильма вселяется дьявол...

Поклонники первого «Экзорциста» помнят, что за ним быстро последовал второй. Однако «Экзорцист II» не считается «официальным» продолжением — им стал «Экзорцист III» (видимо, для пущей сумятицы в душах зрителей). Интересная деталь: постановщик нового фильма — писатель, автор книги, по которой была снята первая серия. Следует также добавить, что за сценарий первой серии Уильям Питер Блэтти был награжден «Оскаром».

ПОЦЕЛУЙ ВАМПИРА

США. 1990 г. 1 ч. 41 мин. Реж. Роберт Бирман. В ролях: Николас Кейдж (Питер Лоу), Мария Кончита Алонсо (Альва), Дженнифер Билз (Рейчел), Элизабет Эшли.

Литературный агент Питер Лоу истерзан «аллергией на жизнь» — все у него просто отвратительно: его не любят девушки, его не любят друзья, да и сам он себя терпеть не может. И тут он встречает очаровательную особу, которая на самом деле оказывается... вампиршей. Он тоже начинает превращаться в вампира и сосет кровушку — в прямом и переносном смысле — из своей преданной секретарши.

Короче: очень веселая «черная» комедия, которую критики признали одной из лучших в прошедшем году.

VAMPIRE'S KISS

